

DIGITAL BOOK

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО
S-T-I-K-S

ГЕРМАН ГОРШЕНЕВ

ИДДК

ТОВАРИЩ РЕЗАК

Миры Артёма Каменистого

Герман Горшенев

S-T-I-K-S. Товарищ Резак

«ИДДК»

2021

Горшенев Г. А.

S-T-I-K-S. Товарищ Резак / Г. А. Горшенев — «ИДДК»,
2021 — (Миры Артёма Каменистого)

Эта книга – гимн продуманности, чувству долга и непоследовательности. Такого не бывает? Да, ладно! Книга не призвана обучить читателя социальной ответственности, но в ней есть ответы на многие животрепещущие вопросы. Что нельзя делать в Стиксе, если у вас не аутентичные уши? Кто хранит гранаты нолдов навалом в весёлых пластиковых ящиках? При каких обстоятельствах полночи смотрят запись чемпионата женской гандбольной сборной Массачусетского университета и сборной команды Мексики в записи от 1972 года? Как размер пасти коррелирует с графическим методом расчёта арочных силовых конструкций? Какие ценности находятся в магазине, в котором 50 лет ремонт не делали? Хотите знать ответы? Стикс вечен, бесконечен, и надо всего лишь перейти выступ Пекла. Кстати, ваша супруга часто отказывается ходить на этнографические выставки, стреляет в диджея и чинит танки? Нет? Странно.

© Горшенев Г. А., 2021

© ИДДК, 2021

Содержание

Пролог	7
Глава 1. Пёс. Корж и Бублик	8
Глава 2. Пёс. 7н24М	15
Глава 3. Пёс. Домашний Блохастый и консервы с мобрезерва – ГОСТ	20
Глава 4. Пёс. Убийца врагов Родины	26
Глава 5. Пёс. Коллега	35
Глава 6. Пёс. Новые звуки в научной деятельности	39
Глава 7. Пёс. Свобода	46
Глава 8. Пёс. Великое танковое	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Герман Горшенёв

S-T-I-K-S. Товарищ Резак

© Каменистый Артём (Мир S-T-I-K-S, его устройство и терминология)

© Горшенев Герман

© ИДДК

Содержание цикла "Миры Артёма Каменистого. S-T-I-K-S":

Alex Andr "Грибы с зубами"

Алекс лав "БОМЖ"

Алефиренко Александр "Пират. Встреча с прошлым"

Андреев Игорь "Трансформация"

Архипов Андрей "Второй Хранитель. Книга 1"

Архипов Андрей "Второй Хранитель. Книга 2. Антагонист"

Богданов Арт "Сердца трех"

Видина Нелли "Чёрный рейдер"

Вэй Катэр "Мечты сбываются. Книга 1"

Вэй Катэр "Охота на скреббера. Книга 2"

Вэй Катэр "Филант. Книга 3"

Гришанин Дмитрий "Рихтовщик. Пешка в чужой игре"

Горшенев Герман "Изолированный стаб"

Горшенев Герман "Товарищ Резак"

Горшенев Герман "Товарищ Резак 2"

Деев Денис "Ночь Грядущая"

Дорохов Михаил "Быстрее судьбы"

Евстратов Василий "Гаситель"

Евстратов Василий "Шатун"

Евстратов Василий "Шатун. Книга 2"

Евстратов Василий "Шатун. Книга 3"

Крам Дмитрий "Вмерзшие"

Крам Дмитрий "Подкидыши Улья"

Кручинин Сергей "Беглец"

Куликов Даниил "Пчелиный Рой. Книга 1. Уплаченный долг"

Лебэл Дан "Долгая дорога в стаб"

Лебэл Дан "Долгая дорога в стаб. Книга 2. Фагоцит"

Мясоедов Владимир "Огородник"

Панченко Сергей "Брат во Христе"

Панченко Сергей "Брат во Христе. Второе пришествие"

Поляков Сергей "Нолд"

Сидоревич Алексей "Детство: дорога к именам"

Сиянов Дмитрий "Скил"

Сиянов Дмитрий "Скил. Книга 2. Тропы зверей"

Собинин Николай "Дикарь. Книга 1. Игры на выживание"

Собинин Николай "Дикарь. Книга 2. Тест-драйв бессмертия"

Старский Валерий "Змей"

Текшин Антон "Окаянный"

Фролов Сергей "Стекловата"

Шатров Дмитрий "Везунчик из Пекла или в поисках золотой жемчужины"

Шатров Дмитрий "Везунчик из Пекла или в поисках золотой жемчужины. Книга 2"

Шмаев Валерий "Лучник (свежак)"

Южный Владислав "Новичкам везёт"

Пролог

На мою больничную койку подсел молодой парень лет тридцати пяти в чёрной аляске и заснеженных грязных ботинках. Он достал пачку сигарет и закурил, протянул мне. Я не курил, но и не отказывался, когда предлагали. В нашей закрытой военной клинике ходить в верхней одежде, без сменной обуви, и тем более курить было категорически нельзя.

– Здравствуйте! Меня послали вам предложить один подарок.

– Вы хотите подарить мне подарок?

– Нет, не я. Откуда у меня такие возможности? Это Родина хочет вас отблагодарить. Можно немного пафоса? Я правда в это верю, иначе работал бы в другом месте. ...Знаете, сила Родины не в огромных подводных линкорах с сотнями ядерных зарядов, готовых поднять льды Северного Ледовитого океана и сжечь континент супостатов. Сила Родины в людях – в тех, кто учат новое поколение в университетах, кто теряет своё зрение, глядя в мониторы с чертежами, и кто простоял всю жизнь около операционного стола, проводя по несколько операций в день до тех пор, пока руки могли держать скальпель. К сожалению, этим людям не хватает жизни, чтобы сделать всё хорошее, что они планировали, и Родина не может им дать вторую жизнь. Но Родина научилась давать им ещё пять, может, десять, может, двадцать лет. Всего один раз, если повезёт, если сойдётся десяток-другой обстоятельств, без гарантий. Вы слышали о проекте «Химера»?

– Да, у нас начальник такой. Теперь у него новое пушистое тело.

– Вот я вам этот подарок и предлагаю.

– Мне повезло?

– Разумеется, нет. Вы заслужили. Может, когда-нибудь и я заслужу.

– Вы молодой, обязательно заслужите.

– Так точно! Буду стараться! Удачи вам.

Парень бросил окурок в стакан моего недопитого апельсинового сока, кивнул головой, встал и ушёл. Мой бычок последовал туда же.

Глава 1. Пёс. Корж и Бублик

Лёжа привязанным к кушетке, обколотый антигистаминами и генмодификантами, которые должны потом превратить меня в подобие человека, я имел время подумать. Сирены боевой тревоги молчали, но аварийное освещение светило монотонно и неярко. С появлением светодиодов смысла в моргающих и тем самым экономящих энергию светильниках не было. Светодиодник погаснет позже, чем последний пострадавший умрёт от голода. Двери были открыты, сквозняк трепал густую косматую шерсть, а слюни текли полноводной рекой. Это и мне удалось воспользоваться подарком Родины. Технология пересадки сознания ещё не была толком отработана, и давала всего несколько лет дополнительной жизни в теле хищника. Если повезёт, и тебе подберут животное, если не сдвинешься с катушек, если всё пройдет успешно, и если – ещё куча «если». Мне для переноса сознания подобрали собаку, большую, лохматую, вислоухую и слюнявую. И сейчас моё тело было надёжно примотано к кушетке. Судя по всему, всё прошло успешно, но случилось что-то вокруг – или неуспешно, и меня тут бросили, чтобы потом отвезти в мусорник. Но почему тогда работает аварийное освещение, а не штатное? А чего так воняет кислятиной? Может, уколы перестали действовать?

По моим подсчётам, прошло не меньше часа, пока мой новый собачий слух и, между прочим, нюх почти одновременно не уловили принесённые сквозняком звук и запах. Раскачивающаяся фигура странной походкой с дёрганными движениями шла по коридору. Прошла мимо приоткрытой двери, вернулась. Санитар с очень недобрим лицом, в белом халате, перемазанный с ног до головы гадостью. Я понимаю, что санитары не всегда хотят смотреть на своих пациентов хорошо, но у этого лицо было совсем недоброе. Медработник минут пять провозился с тем, что влезал в щель приоткрытой двери, которая упёрлась ему в грудную клетку. Когда ему удалось протиснуться в комнату, он с движениями умалишённого подошёл ко мне. Я был хорошо зафиксирован и мог только наблюдать.

Технология переноса сознания была новая, без гарантий, как получится, поэтому случилось всякое. Животными, годными для переноса, оказывались, как правило, хищники, причем крупные. Годились большие собаки вроде доберманов, ротвейлеров, и вот такие, как я – хотя я так и не понял, что у меня теперь за порода. Прекрасно подходили кавказские овчарки, мастино, кошки средние и большие. Подходили медведи; очень редко слышали о всеядных, таких, как кабаны. В общем, подходили только хищники или всеядные, а люди и обезьяны не подходили категорически, не знаю почему.

Тем временем злой и дёрганый санитар обнюхал меня. Твою мать! Вашу мать! У-у-у, как больно! Он вцепился мне в ляжку задней ноги. Зубы медработника соскользнули с моей мохнатой, густой шерсти и клацнули, откусив часть языка. Роняя слюну и кровь, санитар совершенно не смутился потерей кончика говорильного органа, и попытался укусить меня ещё раз – за хребет.

Пум-пум-пум. Три гильзы звонко покатались по полу. Самодельный глушитель – а это точно он – был самым последним, что я ожидал встретить и, тем более, услышать его звук на спецобъекте. Изделие было определённо кустарным. Хотя я не видел стрелка, но у меня ещё когда-то в молодости, когда я пользовался бобинным магнитофоном и писал сразу на четыре микрофона звук, была курсовая. Большая такая работа – «Интерференция звуковых волн в специзделиях», вот так она называлась, если память не изменяла. Нам тогда в лабораторию со всей милиции бандитские самоделки притащили, и заводские тоже были, для сравнения.

Ко мне подошёл человек в грязном камуфляже, держащий у плеча АК-47 с объёмной металлической банкой на дуле. Продолжая удерживать автомат одной рукой, начал развязывать на мне ремни:

– Сейчас. Сейчас, псина. Сейчас, пока эти не сожрали. Какие же скотины это с вами всё делают? Уже не переродишься. Теперь всё будет хорошо.

Это он меня утешал, очевидно. Я, конечно, понимаю, что санитар повёл себя нехорошо, я бы его и сам сейчас грызнул, но чтобы человека пристрелили только потому, что он собаку покусал?

Патроны у стрелявшего были обычные, не дозвуковые. Бесшумной стрельбы не бывает, а бывает малошумная. Как смогли, так и слепили глушитель, и приляпали к повидавшему виды автомату. Очень мужик уверенно санитару пристрелил, как будто по-другому нельзя, и делал он это сотни раз. Я не психолог, но на матёрого головореза и маньяка новоприбывший не тянул – просто мужик со внимательным взглядом ветерана, который и в окопах лежал, и из грязи и снега застрявшую машину выкапывал. Охотник или рыбак, идущий на промысел ради добычи пропитания, а не ради забавы.

Один из зажимов мужик открыть не смог, достал нож и разрезал пластиковый жгут. Подошёл ещё один боец, экипированный так же, как и первый. За плечами камуфляжный рюкзак, разгрузка, лёгкий бронезилет, древний ПМ с глушителем и такой же древний АК-47 с таким же массивным жестяным сооружением на стволе. Воняло от обоих дико. Как нас только собаки терпят? Или к этому можно привыкнуть?

– Корж, ну что там?

– Всё одно и то же. Везде животные привязаны. Ещё две собаки в ремнях, но все уже обернулись, пришлось кончать. В клетке ещё четыре сидело – тоже того. Была ещё кошка привязанная, огромная такая, кажись, пантера. Вся чёрная, смотрит, как будто к ней на допрос пришёл. Глаза умные – не люблю, когда на меня так глядят.

Вот интересно, кто они такие, что свободно тут бродят, и как тут оказались? Почему санитару пристрелили? Потому, что он собаку укусил? Почему за это недостаточно просто ногами отпнуть? Я что-то не понимаю?

Первым делом прыгиваю со стола и пытаюсь спросить, что тут вообще происходит. Головной аппарат собаки вообще не такой, как у человека, поэтому рычу на разные лады, подкрепляя произносимое активной мимикой. Две удивлённые рожи в недоумении уставились на меня.

– Бублик, ты гля! Да он с тобой разговаривает на собачьем. Ты на ихнем рубишь?

Корж внимательно наклонился ко мне и почесал меня за ухом:

– У-у-у, какая псина умная, умная, – и потрепал меня по холке.

Так, я не понял. Они вообще не в курсе, где находятся? Что вообще эти грязные мужики с каким-то допотопным оружием, ещё и с самодельными глушителями, делают на режимном объекте? Кто их сюда пустил? Сюда не на каждом танке заедешь, а броневик точно ещё на подъезде сожгут. И как я у них могу это спросить, если Бублик по-собачьи не понимает?

– Эй, Бублик, иди сюда! Посмотри, – это Корж открыл шкаф младшего научного персонала и достал личное оружие.

У нас, прежде всего, объект, а не сельская больничка – положено персоналу. Оружие за ключом храним, разумеется, и охранник в случае необходимости раздаёт, но, тем не менее, у всех есть. Корж с Бубликом по очереди охают, и стволы из рук в руки передают. Подхожу поближе посмотреть и послушать.

– Что смотришь? Жрать хочешь?

Я ничего не хочу. Я вообще не понимаю, что происходит. Сделал ещё одну попытку наладить вербальное общение. С речевым аппаратом нужно было ещё разбираться, и получилось немного не то, что я пытался сделать. Открыл рот и слегка рыкнул, визгнул, переходя на длинный писк. У меня раньше все собаки так делали – теперь и я вот повторил. Получил ещё одну порцию чесаний за ухом. Интересная тема для изучения. Как расспросить человека о том, что тебе надо, и рассказать о своих проблемах, если тебя считают собакой?

– Богатый ты парень, как я посмотрю, у тебя в шкафу такие пистолеты классные! – это ко мне Бублик обращается.

Корж рассовывал по карманам обоймы и цокал языком:

– А где стволы сменные? – поинтересовались у меня, переводя взгляд на подельника.

– Да ты чё? Корж, не тупи! Это же ещё в девяностых, когда у ментов патронов не было. Какие были патроны, такой и ствол ставили. Сейчас только спецуру под сменные стволы снабжают, этого уже лет тридцать не делают.

Это они о чём? Какие на пистолете стволы сменные? Как на пулемёте, что ли? Я почему не знаю, хотя, конечно, всего знать не могу? Сунул морду поближе. Интересно, о каком-то невиданном стволе они говорят?

Мне сунули под нос пистолет. О! Да это же «Бердыш». Чего они им так восторгались? Штатный, очень хороший, пожалуй, самый лучший – но обычный. Про сменные стволы я не слышал, но я же не могу всё слышать, это и не моя специализация.

Фу-у-у! Сморщил и отвёл морду. Обычно в клинике воздух через специальный фильтр пропускают, чтобы уменьшить число запахов, пока трансплантаты не адаптируются в телах животных, и не начнут работать генмодификации. Меня сразу в мир, полный запахов, сунули. Став обладателем собачьего нюха, я приобрёл большую проблему, на которую не знал, как реагировать. Теперь я прекрасно распознавал запахи, самые мелкие их оттенки, но они не забивали один другой, и не смешивались. Я точно определил запах ружейной смазки; тушёнки, которую ели со сладкой булкой; недочищенного порохового нагара; недавнего похода в туалет; немытого тела; кофе; запах барбариски из кармана разгрузки. Я даже запах себя ощутил – меня ведь гладили и от ремней освобождали. Явная перегрузка информацией с непривычки. Надо потом как-то приспособиться, а как? Пока не знаю. Помимо этого, запах кошатины, запах напарника, запах стреляных гильз, запах затхлои половой тряпки, которой мыли когда-то пол, запах изо рта убитого санитаря, и иже с ними. Многовато будет.

Фыркнул, пробуя сбить с носа лишнюю информацию.

– Фыркаешь тут. Ничего ты, слюнявый, в пушках не понимаешь. Не твоего это ума дело, – сообщили мне.

Интересно, как это они в одну фразу сразу три наезда всунули. Может, какие-то моменты по стрелковке и упустил, извините, больше пятидесяти лет работы – всё не упомнишь. Да у меня стреляных гильз в два эшелона не поместишь. По поводу ума и про слюни тоже не забыли поиздеваться.

Распихав по сумкам ценности, подельники направились из моей палаты в следующую. Там была большая собака, прирезанная ножом, и санитар с проломленной головой. Очевидно, это тоже мои товарищи постарались. По пути нашлось ещё два санитаря, тоже с глубокими проломами черепа. Это делалось, наверное, небольшим строительным молотком, похожим на кирку, который тоже присутствовал в снаряжении обоих. Экспрессия, с которой они резали трансплантатов и убивали санитаров направо и налево, в моей голове не сочеталась с моим спешным освобождением и ласковым трепанием за ухом.

Выбежал охранник и попытался их укусить. Бублик подсёк ему ноги, а напарник подхватил охранника под руки и с силой их заломил. Хрустнули кости, но это напавшего не смутило, и он, злобно шипя и брызгая слюной, продолжал клацать зубами. Парни вдвоём повалили его на пол и, упёршись берцами ему в голову, свернули шею.

– Посмотри, какой мы тебе бронезилетик добыли. С обновкой тебя, и в этот раз стрелять не стал, совсем в крови не измазал. Пёс тобой гордится!

Всё это говорил Бублик, снимая с охранника и с торжественным видом вручая трофей компаньону. Не забыли и про разгрузку, вывернув карманы. Дальше шли от помещения к помещению, разламывая ящики и цокая языками над их содержимым. Меня трепали за ухом. Утешали, что если я не обратился, то дальше со мной всё будет в порядке. Спорили, как назвать,

и обсуждали, куда и как они своё богатство прятать будут. Набрали ценного они явно больше, чем могли унести. Мужики точно знали больше меня, и совершенно спокойно воспринимали ситуацию, когда охранник хотел покусать этих вот двух вонючек, а не пристрелить их, хотя на шее у него висел пистолет-пулемёт. Оный предмет уже занял достойное место в коллекции награбленного имущества двух товарищей.

Мы отходили от палаты, где воняло кошатиной, всё дальше. Они про какую-то кошку с умными глазами говорили. Срываюсь с места и бегу на запах. И правда, огромная чёрная пантера с лоснящейся шерстью и буграми мышц под шкурой привязана к столу. Оббежал её вокруг. Так они её и не отпустили. Гавкаю, потом ещё раз гавкаю. На меня смотрит действительно умный взгляд.

Из коридора спросили:

– Корж, ты это слышал? Это что за звуки?

Это, бараны, я гавкаю, как могу. Я первый день как из наркоза вышел, и, похоже, ни по-человечески, ни по-собачьему у меня сейчас не получается. По-хорошему, мне ещё год в клинике надо быть, пока генмодификанты не подействуют, всему заново учиться – а меня в самую гущу событий сунули! Кстати, я вообще-то кошку спасаю, только другим собакам потом не рассказывайте! Ну, давайте, хоть ради любопытства. Выбежал, подбежал к двуногим – и обратно в палату. Кошатиная наверняка тоже трансплантант. Подходят:

– Бублик, а чего это он нас к ней привёл?

– Корж, ты чего? Ты её не освободил?

– Я? А если сожрёт? Да она какая огромная, я боюсь.

Они, наверное, тоже не всё понимают, а кошку надо освобождать. Вспомнил, как радовались и прыгали мои собаки, когда я приходил домой и попытался повторить. Две удивлённые рожи и одна морда уставились на меня. Скорее всего, я делал что-то не так, но старался как мог – или псы моих габаритов должны изображать радость иначе? Хорошо, тогда вариант номер ноль. Я подошёл к пантере, и размашисто и слюняво лизнул её в нос. Кошатиная выпучила глаза от такой наглости, но через мгновение взяла себя в руки, вернее, в лапы.

– Да он её знает! – просиял Корж.

Хищница попыталась изобразить максимальное дружелюбие и замурлыкала, как домашняя кошка.

– Давай, давай, иди, – подбодрил Бублик напарника и поднял автомат к плечу.

Корж аккуратно, с вытянутой руки разрезал один за другим ремни, держа в другой изъятый у охранника пистолет-пулемёт. Кошка медленно приподнялась, выгнулась спиной от загривка до хвоста и стекла со стола плавной тенью. Совсем как домашняя мурлыка, она боднула Бублика выше бедра и протёрлась всем телом, повторив процедуру с другой стороны. При этом она добросовестно мурчала.

Однозначно хитрая тётка. В том, что она тётка, я не сомневался. Специально я не смотрел, но пока ходил вокруг – заметил. Для трансплантации подходят только животные одного с тобой пола. Даже если мальчик с детства играл только куклами и звался Эвридикой, а после операции мог похвастаться всеми прелестями женского тела – то для трансплантации сознания, будь добр, используй тот пол, каким ты обладал от рождения.

Немного успокоившись и перестав нервно сжимать оружие, товарищи продолжили свою увлекательную экспедицию по закоулкам Родины.

Шли по коридорам, стараясь минимально шуметь. Впереди Бублик с Коржом, а сзади хвостиком две зверюги. Я сам не маленький (размером с сенбернара, но порода вообще непохожая), и огромная чёрная пантера тихонько стелилась по полу, заглядывала в открытые и разбитые двери кабинетов. Присматривались, принюхиваясь. Корж с Бубликом честно грабили. Награбив больше, чем могли бы унести, и найдя более ценную добычу, они со слезами на гла-

зах делали тайник и меняли содержимое своих рюкзаков, потом, награбив ещё более ценного имущества, повторяли процедуру.

Здесь, в общей части клинической больницы, где была открытая для всех зона, положение оказалось ещё хуже. Пристрелили ещё несколько санитаров, которые по-прежнему хотели кусать, причём гастрономические предпочтения отдавались именно мне или моей кошачьей подруге.

Сапиенсы прошли чуть вперёд и замерли, высматривая что-то, а мы отстали. Пользуясь паузой, попытался объяснить кошке ситуацию. Как могу, показываю, что они нас за животных считают: давай, пока мы не поняли, что здесь происходит, будем дрессированными животными. Тебе не кажется, что зомби-апокалипсисом пахнет? Не поняла? Показываю ещё проще, средствами пантомимы. Мы – животные домашние, вокруг – зомби. Всюду что-то неладное, и наше дело – тупить и рычать. Морщу морду как могу, показывая мировую катастрофу и тайное братство животных.

Пантера внимательно следила за моей жестикуляцией. Большая чёрная кошка с удивлённой мордой на всё это смотрела, потом подняла лапу, из лапы выставила один коготь и совершила вращательные движения в районе уха. Похоже, меня неправильно поняли.

Сама такая, кошатина! Как только человечество мышей ловить научилось, от вас, кошек, никакой пользы, кроме эстетической. Крутить у виска когтем мне начали! Я лапой перевернул горшок с цветами и разгрёб землю на полу, затем написал: «зомби». Мне кивнули. Животные мы. Ещё кивок. Пока не поймём. Кивок. Дошло, похоже. Сразу нельзя было понять, когда я зомби изображал?

Она подняла лапу и плюхнула себе на морду, закрывая глаза. «Рык-рык-рык-рык-рык». Затем два пальца раздвинулись, высвобождая обзор глазу. Внимательный взгляд прошёлся по мне от макушки до хвоста и вернулся обратно. «Рык-рык-рык-рык-рык-рык». Это такой смех? Чё ты ржёшь, кошатина? Если бы я не притаился к тебе наших кондитерских друзей, тебя бы санитары уже доедали. Никакой благодарности. Я, между прочим, первый ситуацию понял.

Коллега по трансплантации взяла себя в руки и кивнула, что теперь всё поняла. Думать было над чем. Вначале зомби и кусачие санитары, а затем Змей Горыныч и повязка на лапы и морду, чтобы себя не покусал?

Есть вариант, что что-то пошло не так, и я просто привязанный к койке лежу, и мне всё кажется. Может, порода для трансплантации не подошла? Как вам два взрослых мужика с именами Корж и Бублик, и пантера-подружка на спецобъекте? Я и раньше на плохое воображение не жаловался.

Таща огромные рюкзаки, наши сопровождающие вышли из больницы через небольшой вход, ведущий на территорию, уставленную лавочками. Сразу за забором, примыкая вплотную к асфальтовой дороге, начиналась тайга с буреломами и строевыми кедром. Метрах в ста левее тайгу отгораживал забор из ржавой рабицы, натянутой на деревянные столбы. Там был большой парк с аккуратными дорожками. Больница была мне знакома, а всё остальное я видел впервые. Мы должны были оказаться на окраине научного городка, называемого в народе «ящиком», с не очень чистыми, но аккуратными улочками пятиэтажек и градообразующими корпусами... Но никак не в тайге и, тем более, парка с колесом обозрения там не было.

Прошли буквально метров триста. Неожиданно встретили несколько мужиков, несколько тёток и двоих детей. Они приехали на двух больших, очень недешёвых внедорожниках. Озираются, головами крутят. Наши «кондитеры» подошли, вежливо поздоровались:

– Здорово, мужички-новички и сопровождающие!

В ответ на приветствие достались пистолеты. Бублик с Коржом, абсолютно не обращая на их пушки внимания, подошли ближе. Я шёл хвостиком следом, и стал рядом. Кошка отстала и осталась в кустах – очевидно, решила не дразнить своим видом и без того нервных джиповодов.

– Это просто отлично, пацаны, что у вас пистолеты есть! Вам ещё надо ножами и топорами запастись. А ещё лучше – пару молотков с ручками подлиннее, но не сильно тяжёлых. Потерялись? Мобильная не работает?

Бублик опустил рюкзак и, приговаривая что-то о карме, которую нельзя портить, и про новичков, достал из самой глубины рюкзака пару тоненьких, напечатанных на принтере буклетиков. Ещё раз окинул взглядом стволы мужиков. Вытащил две обоймы от пистолета и выщелкал патроны.

– Обоймы не отдам. Держи, пригодится, наверное, – и протянул одному из мужчин горсть патронов и вручил книжку: – Пробежитесь глазами, потом поговорим, – сказал Корж и потрепал меня за ухом.

В теле молодого пса размером с крупного сенбернара я, наверное, чемпион мира по «Стоять! Скотина! Куда побежал? Отдай тапок!». Буду тупой собакой. Хватаю зубами книжицу и резко отпрыгиваю в сторону. Оставляя стоящими вытянутые задние лапы, передние опускаю на «локти» и совершаю несколько шатательных движений. Прыгаю боком пару раз в одну сторону, пару в другую, кручусь на месте и, оббежав присутствующих по кругу, прыгаю в кусты. Мне вслед летят кучи матюков.

– Ладно, пусть читает, у меня ещё экземпляр есть, – услышал я голос Бублика.

В кустах меня ждала чёрная морда, внимательно следившая за происходящим из своего укрытия. Я привык, что у кошек уши были треугольниками, а у этой – круглые; может, гибрид какой-то. Часто случалась ситуация, что для трансплантации сознания ни одна из пород собак или видов кошек не подходила, тогда приходилось выводить гибрид: что-то с нервной системой связано. Почему такие сложности, я не знаю, технология в принципе была сырая и новая.

Аккуратно кладу на землю книгу, обильно смоченную слюнями. Сталкиваюсь с проблемой листания. Если бы страницы были сухими, проблем бы не возникло; ну, извините, до контроля слюноотделения я ещё не дошёл, я даже хвостом не управляю, он сам по себе машет.

Три листа А4, свёрнутых пополам и посередине сбитых степлером. Кошка осваивается быстрее меня: из лапы выдвигается коготь и открывает книжицу. Я прочитал и кивнул, она тоже уже успела прочитать. Раз, и листик перевернулся. Я быстро читаю, а она так вообще скоротчение практикует – надо будет потом с ней на досуге порычать, кто, откуда, чего знает, чем занималась. Может, мы тут целую цивилизацию должны организовать – Империя Котопёсов! Но это одна половина моего мозга думает, а вторая половина быстро читает.

Другой мир, который состоит из кусочков тех миров, откуда они выхвачены. Части территории: заменяемые называются кластеры, неизменные – это стабы, люди и животные, которые не изменяются – иммунные; те, которые зомби – те заражённые. Из голов заражённых надо выковыривать шарики и разводить в водке. А мне как поступать? При моих габаритах придумать бегуна – это второй уровень развития заболевших, в котором можно найти шарик – проблем нет. Выдрать тоже смогу. Не вижу особых проблем открыть бутылку. А процедить можно, просто вылив на тряпку, разложенную на полу, и слизать натёкшее. Классическое «нализался» выйдет. А ещё заражённые обожают собачатину и кошатину, и нас точно сожрали бы, если бы не удачное освобождение. Санитары нас съесть хотели, а не покусать. Попал ты, псина, конкретно.

Прочитав инструкцию для вновь прибывших, мы переглянулись. Пантера мотнула головой и растворилась в растительности. Проблем в этом мире с имуществом и едой нет, есть проблема выживания. Патроны и то, что из голов выковыривают – это и есть две ценности этого мира.

Возвращался я, держа спину прямо, неспешно переставляя лапы и гордо задрав морду. В зубах тащил инструкцию. Тем временем тут тоже разобрались, что к чему, и Корж с Бубликом рассказывали погрустневшим людям об этом мире.

– Всё прочитал? Ну, хоть тебе рассказывать теперь не надо, – и Корж забрал мой экземпляр, сунул в рюкзак, предварительно обтерев от слюны.

Я уселся рядом послушать. Ничего радикально нового не услышал, почесал задней ногой в раздумье за ухом. Завершив разговор, мои товарищи распрощались с джиповодами, кинули мне:

– Хватит блох гонять, пошли. Кошка твоя где? Сбежала? Ну и ладно. Огромная она сильно, ну её, – и направились дальше по парку.

У меня блох нет, и не может быть. Животных для переноса так обрабатывают, что все паразиты от меня за километр разбежаться будут, но этим двум «чистюлям» разве докажешь, что так бывает, что в шерсти никто не бегаёт?

Глава 2. Пёс. 7н24М

Пошли вперёд полкилометра и свернули в сторону. Пройдя ещё немного, мы вышли на небольшой стаб, как это тут называют. Здесь расположились несколько небольших деревьев и вполне грамотно расположенный тайник. Я глазами ничего не увидел, но унюхал стандартный набор запахов – оружейная смазка, еда, свежие и не очень свежие вещи; запахи шли из центра полянки. После несложных манипуляций был открыт проход, накрытый крышкой, на которой росла трава, ничем не отличающаяся от остальной травы. Быстро скинув награбленное имущество, Корж с Бубликом прикрыли крышку и вернулись к больнице, обойдя новичков по большой дуге.

Кошки нигде не было видно. До вечера сделали ещё три ходки, забирая имущество из особо ценных тайников. Я тоже подвязался тащить рюкзак, беря его в зубы за одну из лямок и перекидывая через шею, тем самым удобно располагая основную нагрузку в районе холки. При моих габаритах и сильном теле молодого пса два десятка килограммов нагрузки – это ничто, зато Корж с Бубликом были счастливы такой помощи. Больница здесь появлялась редко, и попасть на неё считалось большой удачей. Мои подельники таскали тяжёлые баулы и светились от счастья.

Заночевали мы в комнате для хранения сильнодействующих препаратов. Большое, просторное помещение с массивной металлической дверью и предбанником с хорошей надёжной решёткой отлично защищало от прожорливых санитаров. По пути мы забрали двадцатилитровую бутылку воды из кулера, набрали неприлично много фруктов, копчёной колбасы и печенья из тумбочек пациентов общеклинического отделения. Парни разжились в кабинете заведующего достойной бутылкой коньяка. Я получил обещание, что, как новичку, мне приготовят живчик по особому рецепту. Три заполненных ценным имуществом баула для переноса с утра оставили в предбаннике, по одному на морду и рожу.

Утром, хорошо выспавшись, внимательно послушав, не раздаётся ли какого движения около двери, мы тихо покинули помещение. Вскоре мы вернулись к тайнику. Ещё в клинике мужики помылись из бутылки от кулера и сменили свой пропотевший камуфляж на чистый. Немного попытались помыть и меня с вонючим, пахнущим кислыми носками мылом. Чтобы промыть мой мех, потребовалось бы пять таких бутылок, поэтому мне шерсть намылили и немного окропили водой, оставив промывку на ближайший водоём. Здесь, на стабе, мы выгрузили наши баулы и собрали небольшие рюкзаки. «Кондитеры» сменили свои древние АК-47 с гигантскими звукопоглощающими приспособлениями на вполне себе современные модификации АК-74 с коллиматорами и прочими наворотами. Из тайги прилетали тучи пакостного гнуса, набивавшиеся в нос и рот, а запахи со всех сторон отвлекали внимание, перегружая мозг ненужной информацией.

Эту ночь я спал хорошо, но долго не засыпал, обдумывая происходящее. Сбежать, как кошка, для меня не вариант – она гораздо крупнее и может использовать весь объём пространства, бегая по крышам и лазая по деревьям. Попытаться объясниться? Пока, думаю, рано – не уверен, что это поймут правильно, и не пристрелят для профилактики. Пока я думал – а мои друзья спали без задних ног – то тихонечко тренировал голосовой аппарат. Просто надо приспособиться к звукам. Об успехах рапортовать рано, я даже не могу пока понять, что и чем заменять; но у других-то выходило.

Наш начальник отдела тоже был химерой. Заслуженный конструктор, по жизни человек огромный, почти два метра роста, с косматой бородой и аккуратно сбритыми усами, после трансплантации довольно быстро научился говорить, и вполне сносно. Ему подошла нейронная система кошачьих. После того, как он почти год провёл в клинике, дедушку в теле кота принесли домой – конечно, под полным инкогнито, и ничего не объясняя внукам. Дня два-

три его таскали по комнатам, приучали к туалету, использовали вместо подушки и заставляли бегать за бантиком. Очеловечивание происходит долго, а некоторые животные так на две ноги и не становятся. Только года через три под действием генмодификантов носитель становится подобием гуманоида.

Однако уже через неделю кот взял воспитание в свои лапы. Когда родители уходили, он внимательно следил за порядком. Тех, кто не учил уроки или не мыл руки перед едой, кот заставлял это делать, при этом распускать лапы совершенно не стеснялся. Когда он это рассказывал, сидя в кресле и муркая, мы всем отделом ржали и по полу катались. Речь у химер – самое сложное, с компьютером проще. Айтишники ему клавиатуру старинную подобрали, где кнопки не сенсорные, а на пружинках, чтобы когтем удобно нажимать было. К речи животных надо привыкать, как к разговору с малышами.

Дети были в панике, когда неделю кота таскали за шкуру, а потом он их учить уроки начал заставлять, ещё и проверял, выгонял в школу без опозданий и принуждал есть первое. Всё это дедушка проделывал, разумеется, в отсутствие родителей. Дети наперебой жаловались родителям на самоуправство кота, который при старших раскачивался на шторах, охотился на брошенный носок или тупо дрых, свернувшись калачиком на письменном столе под лампой. Малых гладили по голове, хвалили за сделанные уроки и порядок в квартире.

Самое время и мне включать дурочку. С тупостью не следует перебарщивать, чтобы за ненужностью не пристрелили, но пронзительный и цепкий ум тоже показывать не стоит. Компания, на мой взгляд, вполне себе приличная. То, что они кошку спасли, хотя не понимали, что она трансплантант, а не просто животное – большой плюс к порядочности. Мужики поступили правильно, несмотря на страх.

Шли мы довольно долго, пока не натолкнулись на броневик с бандитами. Парни дёрнули меня за шкуру и заволокли за укрытие. Сейчас я лежу и как можно глубже вжимаю морду в небольшое углубление в земле. Массивное бревно при использовании калибра 12,7 миллиметров выполняет роль только оптической преграды, не позволяющей увидеть два «кондитерских изделия» и одну косматую собаку. Очень мы неудачно попали на этих бандитов, у которых оказался броневик. Убогая самоделка из грузовика и стальных пластин, приваренных к кузову, имела вращающуюся прямоугольную башню, в которой находился пулемёт. Пробираясь сквозь завалы строительного мусора и поворачиваясь к нам бортами и капотом, машина потихоньку приближалась. Только нежелание бандитов потратить ещё полсотни патронов пока спасало наши шкуры. Скорее всего, они хотели подъехать в упор и закидать нас гранатами. Модификация пулемёта мне была незнакома, а вот калибр оказался вполне себе узнаваем.

Отстреливаемся. Бублик дал ещё одну очередь по машине. Пули цокнули по броне. Эффекта ноль. Ещё раз мы обозначили, что у нас тоже есть оружие. Средств борьбы с бронетехникой парни, разумеется, не захватили, и теперь переползали с места на место, прячась то за бревном, то за завалом из кусков профлиста. Ходит много историй о том, как автомат рельс пробивает, но это байки и математическая погрешность. Это смотря какой рельс, куда попасть, какой автомат и патрон. Мы броневик не пробивали.

Перед моей мордой лежали несколько магазинов, вываленных из рюкзака. Где они только нашли патроны 7нб? Это же первая модификация 5,45; а вот обойма с 7н24. Новенькие барнаульчане красовались лакированными боками. Мысли в голове скачут как бешеные кошки. Они что, разницы вообще не видят? Полосочка у них одинаковая – красная; но вашу мать, что, совсем различий не видно? А если кантик окажется чёрный – будете думать, что это дымовые патроны?

Я эту историю только по слухам слышал. Когда начали разрабатывать эту модификацию патронов, то для испытаний их маркировали, как и древние 7нб – красную полоску наносили, чтобы не выделять. Потом вроде решили две чёрные полоски рисовать, мол, бронейбойнее бронейбойного, а потом приехал Сам с инспекцией. Он это разукрашивание завернул. Сказал речь

о преемственности и об ответе на вызовы. Надо, мол, не маркировки новые придумывать, а чтобы новые патроны были обычными, красная полоска пусть так и остаётся. Вот она так и осталась. Только интересно, это 7н24 или 7н24М: их даже я не отличаю.

Подпикиваю к Бублику лапой обойму с новыми патронами. Мне грустно, почти обречённо улыбаются:

– Думаешь, поможет? Как скажешь, морда блохастая.

Одна секунда, и он уже перекинул обойму, отбросив старую в пыль, выкатился сбоку бревна и дал длинную, патронов в двадцать, очередь в борт. Всё-таки – 7н24М, и всего с полусотни метров. Все пули попали, брызнули искрами и оставили ряд аккуратных дырочек. Из нескольких отверстий тугими тёмно-серыми струями повалил дым. Это не армейский БТР, где всё на своих местах, и есть под рукой огнетушитель. Нам на полигон притаскивали машины с десятками дыр, которые своим ходом уходили с поля боя, и калибр там покрупнее был. Здесь же был просто бандитский сральник, прикрытый железом с кучей барахла внутри, которое успешно разгоралось. Из пробоин под огромным давлением выбивались язычки огня, а из всех щелей валил чёрный и густой дым. Попали очень удачно, и понеслось.

После того, как очередь достала броневик, Бублик отбросил автомат, выхватил два пистолета и со всех ног побежал в сторону бандитов. Корж разрядил обойму своего автомата широким веером, держа АК над головой по-сомалийски, а затем отбросил оружие, и с одним пистолетом и ножом сорвался с места, победив, как и Бублик. Без поддержки броневика бандиты были никакими. Полминуты – и всё было кончено. Ещё минута ушла на осторожный контроль недобитков. Из боевой модификации фургона с мороженым так никто выпрыгнуть и не успел.

Я всегда любил костры. Жёг их в деревне, в детстве, когда по несколько недель жил у бабушки – в ход шли камыш, палки, трава перед двором, мусор. Жёг, когда был взрослым, на рыбалке и на даче, и когда повод появлялся; но особенно любил костры на полигонах.

Иногда нам удавалась добыть технику наших партнёров по поддержанию порядка в мире, иногда современные средства борьбы с якобы не нашей бронетехникой, и тогда мне удавалось немного пожечь полигонные костры. После изучения технических новинок мы обычно выкатывали образец в поле. Это порой бывали сверхзакрытые стрельбы, видео с которых не каждому маршалу было положено видеть; а бывало, сгоняли со всех окрестных частей срочников и ставили на броню систему дистанционного управления, под завязку загружали в автоматы зарядания холостые снаряды и заливали баки под пробку, а джойстик отдавали в руки достойных профессионалов своего дела. Полдня образец носился по полигону, укрываясь за навалами бетонных блоков, ломая сараи и форсируя грязевые лужи. Машина огрызалась холостыми выстрелами. Пацаны-срочники с визгом восторга стреляли в неё из пушек, гранатомётов, вращали башнями танков, зарытых в капониры. Те, кому доверяли джойстики, ели свой хлеб недаром, но рано или поздно – бывало, даже только вечером – кто-нибудь попадал.

Выглядело это всё по-разному. Порой срывало башню мощным внутренним взрывом, но это происходило крайне редко. Бывало, объятый пламенем танк по нескольку раз сбивал огонь, с разгона въезжая в грязевые лужи, и приходилось попадать ещё раз; а бывало, он проезжал после попадания всего десятков метров, натужно гудя клинющими траками и извергая под огромным давлением густой чёрный дым из всех щелей. А дальше бывал мой любимый костёр. Бронетехнику тяжело поджечь, а вот горит она, пожалуй, лучше всего, что мне доводилось видеть.

Пока мои братья по оружию срочным образом шмонали разгрузки бандитов, я в задумчивости уселся на задницу и почесал медленно себя за ухом, размышляя над увиденным и произошедшим. Буро-красный огонь полностью поглощал корпус бандитского броневика и перетекал в плотный чёрный дым. Морду приятно грело тепло пожара. Поймал себя на мысли о том, что чешу за ухом задней ногой. Подошли Корж с Бубликом и стали за моей спиной, так

же заворожённо глядя на плотные тугие струи огня. Минуту стояли молча. Рука в тактической перчатке, пахнувшая пороховым нагаром и сухарями, потрепала меня по голове.

– Красиво. Побежали, Блохастый, сейчас сюда со всей округи заражённые стянутся.

Медлить было нельзя. Всё самое ценное уже было собрано и упаковано. Мой рюкзак добавил килограмма три. Я привычно взял зубами за лямку и, зашвырнув через спину, разместил основную нагрузку на холке. Для собаки моего размера это не вес. Довольно долго мы пробирались по кустам, перелезали через заборы садовых участков, и пару раз проломили головы молотками выбежавшим прямо на нас тварям – те спешили к густому чёрному столбу дыма. Я бы и дальше бежал, но двуногие совсем вымотались и были вынуждены сделать небольшую передышку.

Завалившись на крохотный пяточок травы между кустами и кучей щебня, первым делом парни хлебнули живчика, налив пару ложек и мне прямо в пасть. После этого выщелкали остаток обоймы Бублика.

Остатки барнаульских 7н24М пошли по рукам – завод я по маркировке знал. Выщелкнули у Коржа старинные 7нб и повертели в руках. Да, та же самая полосочка, но различия есть, и мужики теперь их явно видели. Корж внимательно понюхал оба патрона как по отдельности, так и вместе; сунул под нос внимательному Бублику.

– Не, не чувствую разницы, – сказал Бублик.

– Он же служебный, его учили, – сделал космического масштаба выводы Корж.

Конечно, я всю жизнь только этим и занимаюсь; стрелковки давно не касался, но, разумеется, учили. У меня сейчас другие калибры, но научную степень не пропьюсь.

Вытрусил все обоймы и даже проверили патроны бандюков. Нашли ещё три современных обоймы. За мной всё время наблюдали и задавали кучу наводящих и подозрительных вопросов, я преданно смотрел в ответ. Мышцы хвоста были для меня загадкой и совершенно мозгом не управлялись, но когда я слышал доброжелательные просьбы пояснить, кто меня научил – косматый хвостике совершал махательные движения.

Получалось, в общем, не плохо. Просьбы поболтать я проигнорировал, а вместо этого стал внимательно наблюдать за птицей, севшей на ветку. Затем в траве увидел крупного богомола. Тронул его лапой. В ответ, грозно растопырив крылья, козявка попыталась меня укусить. Собачьи инстинкты работали на всю катушку. Я успевал одёрнуть лапу, а насекомое вращало головой, пытаясь получше рассмотреть своего обидчика.

Не выдержав такого игнорирования вопросов, ко мне подошли и взяли за морду. Я слегка придавил богомола лапой, чтобы тот не сбежал.

– Ну, рассказывай! – лицо Бублика было серьёзно, как никогда, и очень близко.

Конечно, противно, но надо! Я широко и размашисто, как можно слюнявей лизнул его, стараясь зацепить нос и глаз. Я большой. Фактор неожиданности сработал.

– Твою мать! Блохастый! – завопил Бублик.

Корж заржал:

– Рассказали? Ты ему диссертацию дай, он прочитает и ошибки поправит. Только сейчас ему лапами писать неудобно, ему клавиатуру надо, для когтей самое то.

Я демонстративно-показательно дал лапу.

– Не надо мне давать лапу, рассказывай, как ты патроны унюхал, – бурчал Бублик, вытирая от слюней лицо.

Тогда я завалился на спину, подставляя пузико для почёсывания. Ко мне подошёл Корж:

– Не получится сегодня с тобой разговора. То ты собака тупая и блохастая, а то так глянешь, будто и впрямь диссертация с ошибками вышла, – сказал он и почесал меня по рёбрам.

Люди даже не представляли, какое количество их догадок верно, просто не находили этому подтверждения.

Следующая остановка была уже поздно вечером, на мансардном этаже большого и ухоженного коттеджа на окраине зажиточного посёлка. Тщательно проверив двери и светоизоляцию, люди поели и улеглись спать, не забыв мне выдать поручение по охране помещения. Хорошо, буду охранять как могу.

У меня был тяжёлый день, и я задрях без задних ног.

Глава 3. Пёс. Домашний Блохастый и консервы с мобрезерва – ГОСТ

– Эй! Хватит дрыхнуть и ногами во сне дрыгать, уже утро. Есть будешь? – и носок сапога слегка почесал меня вдоль хребта.

Я нехотя поднялся, зевнул, потянулся. Хвост в предвкушении завтрака вилял. Я попытался понять, какие мышцы работают, когда хвост движется, но обратной связи не было – просто сам виляет. Ну и ладно, не мешает. Могло быть и хуже. Мне подвинули большую миску с разогретой тушёнкой. На журнальном столике было сервировано на три персоны. Моя миска была правильная: мужики не поленились где-то отрыть небольшую эмалированную – я таких сто лет не видел. Взгляд скользнул в поисках столового прибора, и я чуть было не протянул лапу к ложкам и вилкам, лежавшим на салфетке. Надо за собой следить.

После завтрака я как мог облизался, подошёл к шторке и обтёр морду, стараясь сильно не миндальничать, затем вернулся к столу. Корж с Бубликом торжественно стояли. Бублик обратился ко мне:

– Блохастый! Я, когда служил техником, мы вертолёты обслуживали, и всякое бывало – и в горах, и в джунглях, и оружие брать в руки часто приходилось. Меня потом перевели в очень нужную и секретную часть, и вручили жетон. Я показываю тогда свой и говорю: «А у меня уже есть, я-то сколько лет служу». Наши начальники тогда сильно удивились. Небывалое это дело, чтобы человеку второй жетон выдали. Тогда один полковник, боевой, много повидавший, и говорит мне: «Значит, судьба у тебя такая, будет что-нибудь в жизни, как второй раз родишься, вот и пригодится тебе тогда новый жетончик», – и по плечу похлопал, заулыбался. Я с тех пор их вместе таскаю, старый и новый. А вчера, Блохастый, благодаря тебе мы с Коржом заново родились, нас бы никто не отпустил. Броневики нас ждали. Это очень нехорошие люди; это, Блохастый – муры были. Вот, теперь мне второй жетон и не нужен, а бойцов у нас прибавилось.

Во время всего этого монолога Корж со счастливой мордой кивал. Бублик из-за спины торжественно вытаскивал тёмно-красную нейлоновую верёвку миллиметров пяти толщиной, а на ней висел жетон. Протянули мне. Я внимательно посмотрел и, пока смотрел, обнюхал. На жетоне было аккуратно, самым каллиграфическим почерком вырезано – не просто нацарапано, а именно вырезано – «Блохастый». Настоящая каллиграфическая работа.

– Для тебя полночи вырезал, пока ты дрых и ногами дёргал! – не без основания гордо заявил Бублик.

Молодец, Бублик. Я так никогда не умел, всю жизнь на клавиатуре проработал. Первый компьютер на ВЦ у нас без монитора был, ещё с перфокартами. Это такие прямоугольники, в которых дырки надо было протыкать и лишние заклеивать, если где-то ошибся, а мониторы у компьютеров гораздо позднее появились, поэтому сам писать красиво я бросил ещё сразу после школы. Если честно, то никогда и не умел, а тут – каллиграфия. Я ещё раз взглянул на жетон, и мне торжественно надели верёвку на шею. Теперь у меня есть официальное имя и документ, его подтверждающий – настоящий жетон. Потрепали по холке и загривку, почесали за ушами.

– Блохастый, ты теперь боец нашего отряда, если не сбежишь.

Прозвучал ещё ряд поздравлений. По такому делу зарезали и съели кусок твёрдой колбасы, который откопали мои друзья. Они выпили по чуть-чуть, пару ложек живчика плеснули и мне прямо в пасть.

Полдня ушло на осторожное перемещение и выход к дороге. Ещё час просидели в заброшенной остановке, сложенной из кирпичка и накрытой железобетонными плитами. Парни внимательно следили за окрестностями, а я ничего не делал и, как кот, жмурился на солнце. Внимательный собачий слух уловил далёкий шум моторов, и почти одновременно мои спутники

начали спокойно собираться. Очевидно, им как-то сообщили о своём приближении, и это были свои.

Подъехали два видавших виды БТР и несколько новеньких «Уралов», обшитых металлом. С кузова и брони прыгнули разной степени вооружённости люди, и тут же попали на историю, как Блохастый сверхсекретные патроны на нюх берёт, как мужики броневик сожгли, а остальная бесчисленная бронетехника противника в панике разбежалась. Количество трупов в рассказе смело можно было делить на пять, и я думал, что к концу поездки коэффициент подрастёт. Рассказывали и о странной больнице, где в шкафах с таблетками пистолеты хранят, и о том, что столько всего там было, что приходилось бросать и выбирать самое ценное. Рассказали и о служебных животных, привязанных к койкам, и о санитарях-вивисекторах.

Тут прекрасно все владели оружием и отлично были в курсе различия бронебойных и даже дозвуковых патронов. Почему обычная маркировка у них была неизвестна – для меня осталось загадкой. Мы свои 7нб давным-давно на мобрезерв отправили, или в Африку на поддержание демократии. У нас даже срочники-тыловики такими на учебных стрельбах не пользовались. Какое-то дикое тут отставание. Да тот же БТР – где они его взяли? Музей ограбили?

Пока ехали, я удобно лежал в кузове грузовика, подложив лапы под морду. Корж с Бубликом ещё раз повторили все чудесные истории. Вдруг кто-то забыл или что-то пропустил? Каждый, кто был в кузове, своим долгом считал меня или потрепать за ухом, или почесать загривок, или погладить. Главное качество домашнего животного – терпение.

Машина остановилась, и меня Бублик почесал по холке берцем:

– Давай, Блохастый, на выход.

Я без энтузиазма поднялся и вылез из кузова через открытый задний борт. Нас привезли в небольшой посёлок, организованный как военный лагерь на осадном положении, весело разукрашенный в стиле хиппи, но который явно строили педантичные немецкие военнопленные. Чистенькие аккуратные домики в стиле баварского городка, пышные клумбы с цветами и дорожки, мощёные плиткой. Аккуратно покрашенные заборчики по пояс человеку высотой радовали самыми яркими краскам. Деревья были большими, но кроны сформировались высоко, и бросалось в глаза почти полное отсутствие сараев. Все улицы просматривались во все стороны. Стены, кирпичные или железобетонные, имели толщину в метр. Окна украшали толстенные массивные решётки и стальные ставни.

Вдоль улицы стояли тумбы из железобетона с узкими бойницами и такими же массивными, как и везде, металлическими дверьми. Эти цилиндры были полтора метра диаметром и чуть выше двух в высоту. Сверху стояли те же горшки с пышными цветами, а бетон был покрашен во все цвета радуги. Замков снаружи не было, а изнутри дверь должна была запираться на засов. Сунув нос в приоткрытую щель, я обнаружил внутри спокойно лежащие на деревянной полке дробовик, десяток коробок с патронами, пару блоков с водой в полуторалитровых бутылках; пахло печеньем. Блестели боками несколько банок консервов. Всё было перемотано стреч-плёнкой, а от оружия шёл явно избыточный запах смазки.

Эти аварийные убежища торчали через каждые два-три дома. На перекрёстках стояли похожие сооружения, но обитаемые, в два этажа, и диаметром они были уже метра в три. На эксплуатируемой крыше размещался крупнокалиберный пулемёт. Весь посёлок был огорожен бетонной стеной метров в пять высотой с оборудованными огневыми точками.

Нашу бронетехнику встречали женщины, дети и суровые бойцы с радостными улыбками на лицах. Люди разгружали коробки, мешки, ящики, и дарили друг другу подарки. Мои друзья радостно набросились на окружающих с волнительной историей про патроны и сожжённую бронетехнику.

Коржа встречала женщина с именем Мальвина – и с пуделем, которого звали совсем не Артемон. Как и положено тупому и коричневому пуделю, подстриженному по последней моде, его звали Чарликом. В моём мире почти всех пуделей тоже почему-то звали Чарликами.

– Я себе тоже собаку завёл, настоящую, служебную. Мы с Блохастым броню мурам сожгли! Порвали тварей в клочки, – известил свою супругу Корж.

Ко мне подбежал вот этот самый стриженный пудель. Припал на все четыре лапы, хвостом виляет в бешеном темпе. Я его полностью игнорирую. Ой, фу-у-у. Полез мне морду облизывать. Отодвигаю его лапой, как кот. Ага, ещё сзади мне понюхай. Да твою же!.. Я плюхнулся задом на землю. Какого туда лезть? Пудель и впрямь направился меня под хвостом нюхать. Кусать животных ниже моего достоинства, и я ещё раз повторил удар лапой, но вложил туда побольше силы.

Кучерявая скотина убежала прятаться за Мальвину. Я служебный, и полностью входить в собачий социум не собираюсь. Между прочим, ещё до окончания института я уже лабораторные на младших курсах вёл, и факультативные лекции читал, и жопу никому нюхать не обязан даже в качестве маскировки.

– Пошли, Блохастый, теперь ты у меня жить будешь, – Корж потрепал меня за ухом.

Обняв жену, он направился в сторону одного из миленьких домиков. Массивная металлическая дверь на четырёх петлях и толщиной в двадцать сантиметров бесшумно отворилась. Просторная прихожая без лишнего хлама, чисто и уютно. Помещения небольшие, и высота потолков от силы два с половиной метра. Много открытого пространства и минимум мебели. Мальвина с супругом ушли на второй, полумансардный этаж, если так можно назвать имитацию крыши из армированного железобетона толщиной почти метр, а мы с пуделем остались внизу. Я удобно завалился на ковре в гостиной, подложив передние лапы под морду. Отсюда просматривалась сразу и прихожая, и большая часть кухни этого уютного домика.

Тупое животное бегало по дому в поисках развлечений, пытаюсь вовлечь меня в, очевидно, забавную игру, но было проигнорировано. Попытки лизать или нюхать пресекались ударом лапы. Вскоре развлечение Чарлик себе нашёл.

Засунув морду в приоткрытый шкаф, коричневый стащил зубами шубу и довольно долго её трепал, разумеется, предложив и мне поучаствовать в таком неслыханном развлечении. Я даже ухом не повёл. Тогда тупое животное перешло к плану номер ноль.

Пудель насилдовал шубу. Со второго этажа босиком в коротком халате вышла хозяйка:

– Ой, мальчики, вы тут с моей шубой развлекались! Придётся вам теперь на ней жениться, а мне надо будет ждать следующей перезагрузки, чтоб новую принесли. Я после вас её не отчищу. Ха-ха-ха! – и ушла в сторону ванны.

Стыдоба-то какая. И почему мы? Я вообще в другой комнате лежу. Я, между прочим, кандидат технических наук, заместитель заведующего лабораторией, и меня вместе с этим пуделем обвиняют в том, что я с шубой в половые отношения вступил. Лежу, морду закрыл лапами. Блин, идёт обратно.

– Ой, стыдно, Блохастый! Тебе, как большому, должно быть стыдно, это он маленький, а ты-то вон какой крупный, – и поднялась наверх.

Вот при чём здесь я? Это всё животное коричневое устроило, я вообще к этому отношения не имею. Чарлик полез мне морду облизывать. Я его отодвинул. Как-то он меня неправильно понял и полез опять лизаться. Пришлось прижать его немного к полу лапой. Пудель делал попытки выкрутиться и освободиться, но силы были совершенно не равные. Немного придушив, я его отпустил и, как кот, сверху вниз этой же лапой от души хлопнул недоумка по морде. Кучерявый заскулил и убежал. Может, язык прикусил? Скорость движений собачьего тела гораздо быстрее человеческого, поэтому вцепился я ему знатно.

– А-ха-ха-ха-ха, отбил подружку. Не стыдно маленьких обижать? Ему ведь тоже хочется, – раздался голос Мальвины с верха лестницы.

– Да что там такое? – забурчал голос Коржа.

– Блохастый Чарлику, как ты говоришь, болевой провёл, а потом связку пробил. Его, наверное, тоже в твоей разведротке драться учили. Они в мою шубу влюбились.

Вот это он меня подставил, скотина кучерявая... Если сейчас Корж всё это начнёт, как и про патроны, рассказывать, то я вовек не отмоюсь. Позорище какое! Самое главное, что я тут ни при чём. Говорят, что пудели чрезвычайно умные, но мне такие не попадались.

Обошлось. Корж посчитал изнасилование шубы и последующее избиение Чарлика делом житейским и не стоящим упоминания. Я ходил с ним повсюду хвостом, таскал иногда рюкзаки, слушал и наблюдал. Съездили на двух обшитых металлом «Уралах» и одном древнем «бардаке» за схроном, который мы натаскали из больницы. Корж щеголял в том самом бронежилете, который они с Бубликом сняли с охранника, когда меня освобождали.

Большой огромный пустырь с погнутым и ржавым краном стоял на месте корпусов клиники, а тайга и парк были на месте. Я уже понял обстановку и ничуть не удивился, просто стоял и с интересом смотрел. Видя моё любопытство, один из парней подошёл и почесал мне голову:

– Твой собачатник тут редко появляется. Всего пару дней стоит. Мы следим. С него всегда трофеи отличные.

Если я к чему-то проявлял интерес, то было принято очень доходчиво давать мне объяснения – а то, что я собака, никого не смущало. За это время я выяснил, что они стронги, мочат внешников и их прихвостней муров. Муры – это бандиты, а кто такие внешники, мне почему-то не объяснили: считалось, что это и так все знают. Почему муры у внешников на побегушках, мне тоже было непонятно. С одной стороны от нас внешка с внешниками, а с другой стороны объединение стабов «Свобода», у которых очень хорошо с патронами и бронетехникой. Наш посёлок расположен посредине, на фронтире этого противостояния.

Стаб делился на две зоны. Первой зоной был ухоженный баварский посёлок с клумбами, дорожками и двухэтажными домиками со стенами из железобетона толщиной в метр, а вот вторая половина была оборудована в стиле военной базы. Много армейских палаток, навесы и вылизанные до зеркального блеска капониры для бронетехники. Выметенные до блеска проезды и уходящие в глубину невысокие надстройки, очевидно, ЗКП, были образцом армейского порядка. Отдельно торчащие доты, которые имели подземное сообщение между собой. Общая столовая была именно здесь – большая палатка, в которой мы и сидели сейчас.

Я уверенно тыкал носом в консервы, которые мне нравились, разумеется, сосредоточенно при этом нюхая для маскировки. Отказался от крабов, а поел говяжьей тушёнки. Да, я ничего не имею против свиной или какой-то другой, но мне понравилось говяжья ГОСТовская тушёнка. От консервов по ТУ я отказался. Даже в моём мире, где не допустили капиталистической перестройки, и сохранили порядок и промышленность, появилось много вольностей. Производителям разрешали делать всё, но в пределах разумного. В продукцию по техническим условиям можно было совать любую дрянь, не докладывать продуктов, лить больше воды и не знать меру в консервантах и красителях; однако если ты написал ГОСТ, то отвечаешь головой за то, что это именно так. Многих продуктов по государственным стандартам просто не существовало, но молоко, консервы, мороженое и хлеб я всегда покупал именно такие.

Банки небольшие, а вот я большой и голодный. Придвинул себе ещё пару банок, внушавших мне доверие. Корж открывал и выкладывал мне в миску, которую для меня поставили за общим столом на придвинутой табуретке. Народ вокруг заметил мою суету с консервами и стал строить самые разные предположения, как это мне удалось выбрать самое лучшее. Строились предположения, что я какой-то сенс или сенсор – я не понял, о чём это они говорят.

– Какой сенс? Он просто на запах, – с противоположного края стола парировал Бублик.

– Как это он через жесть может унюхать? – засомневался мужик, одетый в пижонский камуфляж, и с гаденькой ухмылкой, не сходящей с рожки.

– Он служебный, его учили. Патроны он как-то унюхал? Не зря их там всех привязанными держали, – вставил Корж.

«Камуфляжный» откинулся на стуле и, скривив рожу, глянул на меня:

– Вы со своей псиной совсем с ума сошли – жетон выдали и в армейской столовой кормите.

– Только он вместе с нами в грязи лежал, когда нас из крупняка прижали, и трофеи ташил, и хабар из больницы носить сам помогать вызвался.

– Какая ему разница, палку таскать или мешок с добром? – не унимался гадкий мужичок.

– Студень, ну вот чего ты к собаке пристал? – поддержал разговор крупный парень в тельняшке-майке.

– Я не к собаке, это у вас с головой не в порядке, – ответил камуфляжный, встал и пошёл за стойку раздачи еды.

Вернулся Студень минут через десять, с тремя пахнущими мылом, чисто вымытыми и вытертыми свежим полотенцем банками. Кальмары кольцами, паптет из мяса кур и морская капуста.

– Из моих рук пожрёшь? – ехидно произнёс Студень.

– Ставлю обойму бронебойных против полусотни шелбанов, что пёс мясо возьмёт, – сказал один из парней.

– Принимаю! Студень кого хочешь кинет, не то что собаку, – ответили ему.

Хвост завилал. Я подошёл и осторожно понюхал. По банке морской капусты было мазнуто куском полукопчёной колбасы. Совсем чуть-чуть, только краешком. Едва уловимый запах. Взял зубами банку с курицей. Народ затаил дыхание, было слышно, как пара мух летает в другом углу столовой.

– Да он по форме знает или по цвету этикетки смотрит, – возмущался Студень.

Командир хлопнул по плечу одного из бойцов и перекинул ему связку ключей:

– А ну давай, тащи сюда с мобрезерва.

Боец убежал, а народ как подменили. Из степенных воинов, не единожды нюхавших порох, они превратились в базарных баб и крикливых подростков, спорящих с пеной у рта. Вернулся парень с большой сумкой консервов.

Когда я начинал свою научную деятельность, таких слов, как «индивидуальный рацион питания», в природе не существовало. Обычно мы ели в офицерских столовых, и квартировались в ДОСах, но когда выезжали в поле, то наравне со всеми жили в палатках, и нам выдавали копчёную колбасу, чёрный хлеб, консервы, сахар, чай и прочее. Консервы были в одинаковых банках, как правило, без этикеток, в картонных ящиках, переложены жёлтой бумагой. В коробку кидали пару этикеток. Мы их отличали по номерам, выдавленным на крышках.

Мужики устроили настоящий жёсткий тотализатор. Этикетки от греха подальше с банок снимались, банки мылись, вытирались, намазывались вонючей дрянью. Банки из-под тушёнки вымазали в рыбе, колбасой протерли банки с рыбой и горошком. Народ хитрил как мог, я тоже развлекался от души. Далеко не всегда я отгадывал. Делал, разумеется, я это специально. Я никогда не забуду: 01 – тушёнка говяжья, 03 – свиная, 035 – паптет печёночный. Ещё пару видов я вычислил методом исключения. Банки со спецхранения формой и размером были абсолютно одинаковые.

Я внимательно следил за ходом событий. Кому-то подыгрывал, кому-то нет, но целенаправленно всегда определял банки с паптетом. Счёт ставок шёл уже на сотни патронов и шелбанов. Народ ликовал. Тут было не очень с весельем, поэтому бойцы увлеклись по полной. В сторону Студня я даже не смотрел, стараясь быть повёрнутым к нему задом или боком. Появилось спиртное, а отгаданные банки тут же открывались боевыми ножами, и содержимое поедалось с клинков, без столовых приборов.

Мне перед мордой на стул бахнули очередную порцию банок.

– Давай, Блохастый! Пожрём свинины? – спросил парень в разгрузке, на которой был вышит череп с двумя перекрещенными розами.

Я внимательно обнюхал банки, потряс их лапой и послушал. Пару раз обошёл вокруг стула и минуты полторы сидел, смотря на жестяные кругляши. В очередной раз наступила гробовая тишина. Задача была не из лёгких. Банка с надписью: «Свинина тушёная» была овальная, как и остальные две с баклажанами и крольчатинной. Я протянул лапу и угадал. Послышался дикий вопль восторга, и обоймы пошли по рукам, а щелбаны звонко защёлкали по лбам проигравших.

Я всё время находился спиной к Студню, но собачий слух прекрасно работал. Я услышал ставку и подробности. Парень с черепом и розами в очередной раз бахнул банками по моему стулу.

Мой камуфляжный антагонист всё время на меня недобро пялился. Он мне сразу не понравился. Я подождал, когда ставка дойдёт до нескольких сотен щелбанов. Развернулся к нему мордой, внимательно посмотрел прямо в глаза и уверенно выбрал не ту банку.

– Вы видели? Вы же все видели? – заорал Студень. – Он это специально сделал! Псина не ту банку выбрал. Он знал, какая правильная! Вы видели, как он посмотрел?

– Башку готовь и присядь, а то от двух сотен щелбанов мозгу сотрясение будет, – не согласились из толпы.

– Это нечестно. Он специально, – возмутился Студень.

Все ржали. Громила в майке-тельняшке ВМФ хлопал себя по коленям, изгибаясь от хохота, и выдавливал из себя:

– Собаку на «губу» за враньё! А ещё лучше в суд на неё подай.

Толпа веселящихся вояк гуляй-подем гудела по респектабельным улочкам. Бабы с детьми выползали на развлечение. Собаки бегали кругами, не понимая обстановку. Среди этого веселья я ухитрился прилично набратся. Собаке много не надо, а уже человек десять вспомнили, что собакам, как и людям, нужен живчик. Они считали, что все остальные об этом забыли, и мне по паре глотков плескали в пасть, которую я понимающе открывал.

Глава 4. Пёс. Убийца врагов Родины

Мама. Папа. Интерференция. Большинство букв я приспособился произносить, а вот букву Ф приходилось делать носом, потому что из пасти она у меня пока не получалась. Со словами, начинающимися с этой буквы, проблем нет, ты просто начинаешь с носа. Фреза, фрикцион, фиксатор, Фарадей... А вот если Ф попадает в середине слова, то приходится переходить с горла на нос, имитируя её фырканием.

Пробую ещё раз. Интерференция. Большой комок соплей и слюней вылетел отовсюду, откуда только можно. Не отвлекаться, собраться. Интерференция! Когда-то должно же получиться? Ничего, я чертежи по десять раз перечерчивал. Интерференция! Когда удаётся остаться одному – тренируюсь говорить. Для себя ещё не решил, как лучше: либо тренировать произношение, либо вовсе не употреблять слов с тяжёлыми буквами (мой словарный запас вполне позволял это делать), либо просто считать разлёт слюней и соплей платой за чистую и грамотную речь.

Дни шли, и меня всё устраивало. Даже пудель перестал приставать со своими играми, и осмеливался нюхать меня только с расстояния. Утром ко мне подошёл Корж и, по традиции, разбудил меня, почесав по рёбрам своим берцем:

– Вставай, Блохастый, хватит дрыхнуть. Ты как не собака, спишь до обеда и у телевизора до полуночи залипаешь. Ехать надо.

Очередной выезд. Я залез в наш «бардак», модифицированный под дальние переезды, с новым мотором от модного грузовика, раза в два мощнее штатного. Полсалона занимали дополнительные баки, обеспечивая тысячи две километров автономного пробега. Древний, как говно мамонта, БРДМ тюнинговали роскошными креслами от дорожной иномарки, микроволновкой и климат-контролем. Самая современная радиостанция и дополнительные самодельные блоки динамической защиты гармонично дополняли доработки. При входе в машину я чуть было не поздоровался с парнями. Человеческие привычки пёрли на автомате. До сих пор лапы тянулись за столовыми приборами, и взгляд искал туалетную бумагу вместо плоской мягкой поверхности, по которой можно проехать задом.

Нам надо поменять аккумулятор и дополнить блок в ретрансляторе в паре дней пути отсюда. Обычная прогулка на машине. Я удобно устроился на полу и подвергся очередному нашествию чесальщиков. Вот же люди – домашнее животное не может просто полежать, чтобы его не трогали.

Заночевали на крохотном стабе, где стояло нечто из бетонных блоков и крыши из железобетонных шестиметровых плит. Очень напоминало гараж. После ужина парни с техником пошли спать в это сооружение, а я с Коржом и водителем остался дрыхнуть в машине. Ночью несколько заражённых подошли к нашему броневнику и до утра упорно стучали и скребли по броне. Утром, хорошо выспавшись, бойцы гостей пристрелили из пистолета с глушителем. У одного из них выковыряли добычу из головы, остальных даже смотреть не стали. Позавтракали и продолжили наш незамысловатый рейд.

Прибыв на место, все разошлись по периметру, а я последовал за Коржом, стараясь имитировать скрытное перемещение. Мехвод остался в машине, перебравшись к «Корду», установленному в самодельной башне, сваренной из стальных листов, а техник ковырялся в металлическом шкафу.

– Слушай, не могу понять, всё работает, просто питания нет, – бурчал голос в наушнике моего хозяина. – Как специально кто-то портил.

– Тревога! – заорал Корж.

И в это же мгновение большой кусок разгрузки, раскидывая содержимое карманов и лоскутки камуфляжа, разлетелся у него на груди. Его отбросило метра на полтора. Двух других

бойцов буквально изрешетило очередями. Били отовсюду. Корд начал стрелять в одну очередь на расплав ствола по небольшой постройке метрах в ста от нас. БРДМ дёрнуло, хлопок дал по ушам, и пулемёт замолчал. Я зубами схватил раненого Коржа за лямку разгрузки и, изогнув спину дугой, дёрнул на себя, и ещё пару раз, пытаясь затащить его за небольшую кучу старых газоблоков, поросших чахлыми травинками. Почти затащил, но одна из пуль, посыпавшихся на нас градом, пробилла ему бедро, а другая сорвала наколенник, очевидно повредив сустав внутри. Совсем всё плохо. Сам я убежать смогу, но у меня раненный товарищ без сознания, а взять в лапы автомат не получится. К нам уже шли, кстати. Несколько врагов осторожно приближались, держа автоматы у плеча.

...Мне охотники часто говорили о несчастных случаях при охоте на крупного зверя, и при этом обязательно присутствовало слово «поломал». Видел я это впервые. Кошатиная просто появилась из ниоткуда. Пантера ударила передними лапами в середину спины идущего к нам бойца. Голова откинулась и за малым не стукнула по заднице нападавшего, а изо рта вылетел щедрый фонтан крови, описав по воздуху красивую размашистую дугу.

Кошка совсем как котёнок, гоняющийся за батником, перевернулась через спину и зацепила лапами ещё одного, обхватив передними, и ударила задними. Защёлки бронжилета разорвало, и внутренности вместе с кусками амуниции полетели в сторону. Прыжок. Сбила с ног следующего. Скупой удар когтей в область головы завершил ещё один жизненный путь. Несколько прыжков в сторону, чтобы уйти от очереди из автомата, и без разгона, с места, сжатой пружиной – рывок и удар. Это всё.

Из здания, вопя, выбежал ещё один, держа в руках собственные кишки. Споткнулся, упал, катаясь во внутренностях и суча ногами. Кошка медленно подошла, внимательно посмотрела вопящему в глаза, который замер от ужаса, но ничего больше делать не стала, а так и бросила его умирать. Направилась ко мне. Корж хрипло дышал. Остатки большой бронзовой плюхи выдавили на керамической пластине вмятину сантиметров в семь. Стальной сердечник торчал наполовину. Это был именно тот бронжилет, который они с Бубликом в больнице с охранника сняли. Те бронжилеты, которые здесь используют, пробилло бы наверняка.

У нас спецобъект. Зарплата охранников, может быть, и не очень большая была, но снаряжали их по полной. Оружие и средства индивидуальной защиты у нас были, пожалуй, самые лучшие из тех, которые могут пригодиться в тыловом гарнизоне.

Всё было плохо. Корж лежал без сознания и свистел на каждом выдохе; скорее всего, у него был поломан сустав колена, и имелась ещё одна дырка в бедре. Из хорошего – только то, что рана навывлет, и больше кровотечений не видно. Что у него творилось под бронжилетом на груди, сказать было сложно – наверняка пострадали рёбра, абсолютно точно ушибы получили все внутренности, которые только можно ушибить. Кошка внимательно осмотрела моего товарища:

- Проще съесть, чем лечить, – промурлыкала ехидная морда.
- Кошатиная! У меня раненый. Мне помощь нужна!

Пантера выпрямила все лапы и выгнула спину дугой. Шерсть на загривке вздыбилась, хвост забил по бокам:

- Ой! Собака говорящая!
- Хватит выпендриваться, тут почти два десятка трупов, и мне нужна помощь. И, это, спасибо тебе.
- А зачем ты столько слюней плюёшь, когда говоришь?

Я промолчал. У кошки явно было игривое настроение, хотя только что она прирезала несколько человек, глазом не моргнув, а нападавших было явно больше. Скорее всего, она и их тоже поубивала, как того, что из дома с кишками выбежал. Кошка ещё раз осмотрела Коржа, повернула морду и промурлыкала:

– Собака, тебе надо лекарств найти. Есть специальный кровоостанавливающий бинт, – и распорол когтем штанину вдоль.

Я направился к нашим убитым бойцам. Множественные пулевые ранения шансов не оставляли. Я зубами перевернул труп и достал несколько небольших пакетов медицинского назначения. Я, конечно, был в курсе, как их использовать – меня и этому тоже учили. Но кошка легко порезала весьма неплохих бойцов, а это говорило о том, что она непроста, и лучше довериться профессионалам. Их убивать и спасаться учат одновременно; а то, что она трансплантант, говорит о многом. Абы кто от Родины подарков не получает.

Два аккуратных надрыва с одной и другой стороны ноги уже ждали моего возвращения. Кошатиная распотрошила принесённые мною аптечки и разодрала когтями пакет с кровоостанавливающей салфеткой. Ловко используя два когтя как пинцет, засунула их с обеих сторон раны. Размотав бинт, она добавила перекомканной марли с той и другой стороны, затем обмотала ногу прямо поверх штанины, используя лапы с когтями. Кошки перед собаками имеют невероятное преимущество. У собак когти не убираются, подвижность пальцев и сравнивать нельзя. Очень внимательно я следил, как она будет обходиться без большого пальца. Я, конечно, пробовал использовать предметы, пока меня не видят, и первой проблемой оказывалось именно отсутствие большого пальца.

Самое сложное для пантеры было добыть у бинта начало, но она нашла элегантный выход, непригодный в нашем мире, но подходящий для Стикса. Это просто чудо, что здесь не бывает заражения крови. Кошка просто, как котёнок – клубок ниток, покатала рулон по земле, и когда он начал разматываться, аккуратно взяла пастью и положила на рану. Дальше – дело техники, а в её случае ещё и огромного опыта, похоже. Коготь одной лапы зафиксировал хвостик бинта, а другая, сделав подобие ладони, как рукой начала обматывать. Хотя она и кошка, но я бы так не сделал. Получилось убого, но прочно и функционально. Вполне похоже, как будто Корж сам себе ногу замотал, когда без сознания был.

Пронзительный кошачий взгляд всё время косился на мою шею. Завершив спасение, пантера подошла ко мне и села напротив. Осмотрела верёвку, ещё раз глянула мне в глаза. Чёрная лапа приподняла мой жетон. Кошка внимательно прочитала надпись, сделанную каллиграфическим подчерком:

– Рык! Рык! Рык! Рык! Рык! – пантера лапой закрыла глаза. – Рык! Рык! Рык! Рык! Рык!

Огромная чёрная кошка упала на спину и, продолжая издавать рыкающие звуки, задрывала в воздухе всеми четырьмя лапами в стиле конского аллюра.

– Кошатиная! Ты чего ржёшь? Я своё имя в бою заработал!

Кошка замерла, лёжа на спине, оставив все лапы задранными вверх. Выгнула шею, посмотрев на меня:

– Блохастый! У меня слов нет. Рык! Рык! Рык! Рык! Рык! – лапы продолжили рассекать воздух.

Вдоволь насмеявшись и сказав про то, что если кошки её увидят за тем, что она собаке и двуногому помогает, то позора не оберёшься, двумя прыжками пантера скрылась в кустах. Без неё нас бы давно пристрелили, но и вот так быть брошенным оказалось тоже неприятно. Кошки – они и есть кошки. Я взялся зубами за лямку на заливке формы. Эти лямки специально делают, чтобы раненных в полевых условиях переносить.

Передние вперёд, задними отжать. Мы с Коржом по весу практически равны, но собаки гораздо крепче. Передние вперёд, задними отжать. Полсотни повторений – уже больше сорока метров мы протаскились от места боя, а расстояние – в два дня пути на колёсах. Последний раз я взглянул на горящий БРДМ – красиво, бронетехника горит всегда красиво – и продолжил свой монотонный труд. Передние вперёд, задними отжать. Внимательно следил за обстановкой.

Смеркалось. Сил уже не оставалось, и надо было найти ночлег. Решено – прямо тут. Я выпустил из пасти лямку формы и бессильно плюхнулся рядом с бессознательным раненым.

От прямого взгляда нас укрывали кусты, а сил на поиск лучшего места уже не было. Заражённые обязательно сбегутся на место боя, но там столько крови и трупов, что это их задержит, и, надеюсь, никто не пойдёт по нашему следу, если у них и так есть что пожрать. Я сделал самое главное – отдалиться как можно дальше.

Незадолго до восхода солнца раненный очнулся и сказал:

– Блохастый, подойди. Подойди сюда.

Корж попытался открыть нагрудный карман. Я зубами дёрнул клапан. Он, вымученно улыбувшись, сказал:

– Умный ты Блохастый, очень умный. Хочу, чтобы ты жил. У меня есть сокровище. Не дотащишь ты меня. Тут взрослым мужикам с носилками и автоматами не всегда раненого дотащить получается, а волоком...

Он очень тяжело открыл фляжку. Там совсем чуть-чуть, на дне оставалось, как они говорят, живчика. Хлебнул глоток. Я привычно открыл пасть. Он тронул мне рукой морду и ливанул из фляжки. Что-то я проглотил: он мне что-то сунул в рот. Я фыркнул, отскочил.

– Блохастый, ой, Блохастый! Глупо, наверное, это собаке говорить? Это было моё сокровище. Я их берёг, всё боялся стать квазом, но очевидно, надо было мне рискнуть. Был бы у меня сейчас шанс. Помог бы себе и тебе. А теперь о тебе здесь заботиться некому. Три чёрные жемчужины. Ты пока тут совсем новичок, на тебя может подействовать. Очень много пользы принести может, но можешь и переродиться, – и усмехнулся, как будто уже мозгами двинулся, а затем продолжил, посвистывая на каждом вдохе:

– Три чёрные жемчужины – всё, что у меня есть. Пусть у тебя откроется умение, может, квазом и не станешь. А может, и станешь, будет у тебя огромная пасть, как у мертвяка, – Корж немного побулькал, очевидно, смеялся, и закрыл глаза, опрокинув голову. Он был в сознании, но столь долгий разговор совсем лишил его сил. Немного полежав, не поднимая головы и не открывая глаз, он продолжил:

– Я хочу, Блохастый, чтобы ты жил. Бросить не прошу, всё равно ты меня не поймёшь и не послушаешь. Умная ты псина, и глупая. Столько тащить! Я давно пристрелил и бросил бы, а ты нет.

Меня позвали жестом, похлопали по боку, и сознание покинуло моего товарища. Уж и не знаю, чем они так ценны, эти три чёрные жемчужины, но мне с таким пафосом о них говорили, как будто короновали. Ещё, гад, подсунул под живчик, на последнем глотке. Ладно, вроде как на смертном одре гадости делать не принято. Буду надеяться, что это штука пойдёт мне на пользу, или хоть, по крайней мере, поноса не вызовет.

Упираясь всеми четырьмя лапами, я тащил моего раненого товарища. Он был без сознания. Переставляя задние и передние лапы, я привычно волок тело. Передние вперёд, задними отжать; передние вперёд, задними отжать. Довольно быстро – уже приловчился, только сильно шея немеет, и очень непривычно, что постоянно текут слюни. Каждый раз закрывать пасть, бросая ручку на загравке военной формы, было неудобно. Ну и ладно, дома будем чистоплюйствовать. Передние вперёд, задними отжать...

– Полундра!!! – заорали над ухом.

Я от неожиданности подпрыгнул и крутнулся на месте. В двух шагах от меня скалилась чёрная кошачья морда. Кошатиная подошла с подветренной стороны, и, разумеется, я её не услышал и не унюхал.

– Рык! Рык! Рык! Рык! Какие собаки пугливые пошли, собственной тени стал бояться. А вот скажи, зачем тебе, представителю практически верха пищевой цепочки, нужен этот двуногий? Ты его позже съесть собираешься? Не проще ли кого-нибудь в другом месте поймать, менее вонючего?

– Кошатиная, хватит издеваться. Лучше бы помогла.

– Ты это серьёзно? Мне предлагают эту слюнявую лямку? – и пантера выгнула спину дугой совсем как домашняя кошка.

Подруга выдвинула вперёд две лапы и поскребла когтями, перетекла спиной с горба вперёд. Ещё раз глянула, фыркнула и в один прыжок исчезла в кустах. Вот же, блин, кошки, никакого от них проку – только кормить. Всё-таки удобная эта ручка. Я взялся опять пастью за лямку, пришитую на зашивке военной формы. Передние лапы вперёд, задними отжать; передние лапы вперёд, задними отжать.

...А, собственно, чего я его так тащу, смотря вперёд? Зачем мне смотреть прямо, напрягая шею и принимая всю нагрузку? Я ведь всё равно не замечаю, как ко мне всякие пантеры подкрадываются. Повернулся в нужном направлении задом и взял удобную ручку. Какая всё-таки это вещь – ручка на зашивке. Передние лапы назад, задними отжать; передние лапы назад, задними отжать. Вот – это вообще другое дело! Шея только тянет, а не сгибается под весом моего товарища. Дело пошло гораздо быстрее; передние назад, задними отжать!

Смеркалось. Я подыскал очередное нехитрое укрытие в палисаднике, около коттеджного посёлка. В этот раз пантера подкрадываться не стала. Подошла, глянула на раненного и положила около меня принесённую в зубах палку сырокопчёной колбасы.

– Поешь, Блохастый, только корзинки для пикника у меня не было, пришлось в зубах нести. Совсем немного слюнями перепачкала.

– Кошатица, ты даже хорошее дело без издевательств не делаешь.

– Как твой хозяин? Приходил в себя?

– Да, один раз. Мы с ним из лужи воды пили и флягу набрали. Живчик закончился.

– Собака, ты бы себя слышал.

В процессе разговора я уже доел колбасу и выкатил из рюкзака товарища банку с тушёной, спросив пантеру:

– У него их аж две – есть предложения, как их открыть? Если бы на этой банке был ключ, то можно было бы когтем поддеть.

– Блохастый, если бы они были со сгущёнкой, то можно было бы прокусить и слизать, а как открыть – не знаю. Ты же конструктор?

– Я думал. Можно под железную дверь подставить и придавить, но моего веса не хватит, тебе надо будет мне помочь.

Я повернул морду и увидел, что мой спасаемый лежал с открытыми глазами и смотрел. Сколько он это делал – непонятно. Чёрная пантера повернулась к нему, оскалилась в улыбке и сказала:

– Гав! Гав! Гав! Гав! Вот чего ты смотришь? Отдыхай.

Корж откинул голову и отключился. Это не от неожиданности, просто у него оставалось слишком мало сил, чтобы сколько времени быть в сознании.

– Кошатица, ты это чего?

– Собака, вот ты тупой! Сам подумай, сколько он нас слушал?

– Представления не имею. А гавкать зачем?

– В этом мире всё что угодно может быть, а стоит ему про гавкающую пантеру вспомнить – хоть словом обмолвиться – его на смех подымут. А вот разговаривать около человека – это непредусмотрительно. Это уже я не подумала. Так, значит, собаку я покормила. Погуляешь сам. Я пошла, – и пантера опять ускакала.

Всё-таки кошка она непростая, надо будет расспросить, как она удостоилась чести трансплантации. Я всю жизнь проработал на Родину на спец объекте – а вот интересно, что она делала? Очень уж она на заместителя заведующего лабораторией не похожа.

Занимая голову размышлениями, я тащил раненного. Кошатица могла легко порвать практически всех заражённых, которых я видел. Сил у неё и так предостаточно; но исполнение, с которым она резала напавших на нас, было на грани искусства. Я много прожил в воинских

частях, и краем глаза видел, как десантура с азартом лупила друг друга берцами и тыкала тренировочными ножами. Кошка это делала вообще не так. Она наверняка умела держать нож в руках и выпотрошить кишки так, чтобы противник не умер от болевого шока, а ещё и побегал. Пантера точно знала, что в спину он стрелять уже не станет. А скольких она ещё придушила, о которых я не знаю? Она точно раньше не гладью вышивала.

Второй задачей для мозга было вычисление траектории движения, а третьей – придумать какой-нибудь объективный тест на проверку собачьей психики. Мне навязчиво казалось, что я знаю, где находятся заражённые. Дежавю. Как будто я тут был, хотя знать это место я не мог. Может, когда обратно шли? Находясь в совершенно незнакомой местности, я краем сознания цеплял, где заражённые находятся, и как их можно обойти. Уже имел возможность проверить мои догадки.

Вспомнилось, как в своей научной деятельности я видел невозможные ситуации. Не раз наблюдал собственными глазами рикошеты, когда боевой снаряд вопреки всем законам физики отлетал под невероятным углом в сторону командного пункта и взрывался с задержкой в несколько секунд, пролетая обратно пару километров. Иногда ракета, потерявшая управление, делала дугу и возвращалась обратно. Пузатые маршалы и генерал-полковники, побросав чашки с чаем, плюхались на пол, поджарые полковники и подполковники укрывались под массивными столами. Осколки от разрывов стучали по защитным стёклам, оставляя в них кратеры, обвитые паутинами трещин. Шанс один на миллион. Я это видел раз двадцать! Пару раз – непосредственно из КП. Меня, как человека невоенного, хватали за шкуру и засовывали под мебель.

Помня о том, что может быть всё, я затащил Коржа в место, показавшееся мне понадежнее. Обойдя предполагаемые скопления заражённых с подветренной стороны, стараясь двигаться как можно тише, я нашёл искомое. Десятка полтора раскачивающихся фигур были там, где я их и рассчитывал найти. Были среди них тела совсем в лохмотьях, многие без штанов и с перекошенными трансформацией рожами. Было несколько уже развитых – я их видел раньше на рисунке в брошюре, там их называли лотерейщиками. С таким я даже пробовать связываться не стану. Аккуратно ретировавшись, я отправился за товарищем и решил слушаться своего сумасшествия. Буду придерживаться того пути, который мне указывает моя шизофрения – по крайней мере, пока не дотащу раненного. Доберусь до дома – а я точно доберусь, просто должен! – вот тогда и буду психику лечить. Передние назад, задними отжать.

Кошатаина нас нашла вечером, по традиции, на привале. Скорее всего, она двигалась рядом, но по неведомой мне причине не хотела раскрывать своё инкогнито. Корж был совсем плох. Отсутствие живчика и рана сказывались всё сильнее, да и я ощущал себя не на пике спортивной формы. Кошка держала в зубах кусок черепа с плешивой, почти лысой кожей и с уродливым наростом. Положив передо мной добычу на кусок шлакоблока, она промурлыкала:

– Извини, опять в пасти тащила, немного обслюнявила, – и посмотрела на мою реакцию.

Я слишком устал, чтобы реагировать. Замечательная шутка про слюни осталась незамеченной. Тогда пантера раздавила лапой нарост и, используя когти, как скальпель и пинцеты, выкатила из месива чёрных нитей и остатков мозгов и кожи несколько тёмных шариков. Однако, кошки со своей системой когтей более человекообразны, чем собаки.

– Блохастый, ты же понял, что это такое?

– Это спораны, их надо рассасывать, но не проглатывать. О них было в брошюре написано.

– А как это сделать? Есть задача для твоего мужского ума.

Я плюхнулся на брюхо, вывалил язык. Накрыл им один из шариков и всем своим видом показал, что окружающее меня не интересует. Кошке пришлось хуже. Просто высунуть язык и накрыть им шарик, как это сделал я, у неё не получалось. Через два часа лежания с высунутым языком и облизывания спорана совсем стемнело, но чувствовал я себя гораздо лучше. Голод

в желудке орал сотней дворовых котов. Кошата тоже заметно взбодрились – очевидно, у нас уже начиналось споровое голодание. Я уже довольно много времени провёл с людьми, и там меня обеспечивали живчиком, а где она брала сей напиток, я пока выяснять не стал. Хотя – с неё станется.

– Собака, надо что-то срочно с твоим грузом делать. Раз ты его есть не хочешь, то давай его в укромное место оттащим. Я покараулю, а ты за своими хозяевами кабанчиком метнёшься. Я тут один супермаркет в лесу присмотрела. Недалеко. Глушь полная. Я по пути уже всех пере-душила, – кошка выгнула спину и подрала когтями доску брошенного европоддона. – Заодно и покормлю слюнявое животное, раз уже вы с человеком ко мне прибудились.

И в этот раз я отвечать на поток шуток не стал, а просто взялся за ручку на форме и стал ждать направления движения. Через несколько километров пути (и пару придушенных кош-кой заражённых) мы оказались у супермаркета. Здание площадью поболее тысячи квадратных метров из стекла и бетона стояло посреди густого подлеска. Острый конец асфальтированного треугольника захватывал обширную стоянку со множеством машин.

– Туда, – показала кошка мордой на один из боковых входов.

Коржа я затащил в большую комнату с массивной дверью и удобной шестигранной руч-кой, которую открыл зубами. Если в дверь будут ломиться, то всегда есть вероятность нажать на обычную ручку, а вот с круглой такого случиться не должно. Это была конторская комната, и пол был покрыт потёртым ламинатом. На пол я скинул со столов побольше бумаги. Пол всех остальных помещений был или бетонным, или плиточным. Раненный теперь был в относитель-ной безопасности и в подобии комфорта.

Вместе с пантерой мы занялись добычей пропитания. Она когтями вспоролла пару буты-лок воды, и мы вдвоём полакали из лужи на полу, затем разбрелись каждый по своим гастро-номическим интересам.

У меня туша – килограмм шестьдесят, а то и больше, и её надо чем-то кормить, да и образ жизни у меня подвижный. Мне уже от зомби пару раз приходилось давать дёру. Они в здешней местности повсюду, и их можно встретить прямо около стаба. Они бегают быстрее людей, но пока не так быстро, как мы, собаки. Ясное дело, с такой активностью жрать я стал куда больше.

Вот он – мясной отдел. Персонал, разумеется, уже подъеден, а продукты краткосрочного хранения уже испортились. Из-под крышек холодильников несёт плотным запахом гнилого мяса, а позеленевшие мясо и рыба, виднеющиеся сквозь витрины, полностью отбивают охоту даже пытаться туда совать морду. Аккуратными пирамидками лежит сырокопчёная колбаса. Этот стратегический продукт ещё во времена «железного занавеса» хранился почти вечно, когда был только ГОСТ и высший сорт, а о консервантах даже не слышали.

Меня как-то в поход затащили. Товарищ был отпетый турист. В те времена эта колбаса была дефицитом, но где-то он палку урвал. Он её берёт, и это был уже третий поход той самой колбасы. В межпоходе она у него в тряпке в холодильнике лежала, дожидаясь следующего путешествия, а потом неделю в рюкзаке таскалась. В тот раз мы её всё-таки съели. Нормальная колбаса была – никто не умер, все остались довольны.

Эта пирамидка сырокопчёнки оказалась ещё и в вакуумной упаковке. Да она тут три года лежать может, и ничего ей не будет, пока к её лежищу мохнатая, слюнявая и голодная собака не подкрадётся. Пара штук сырокопчёнки были мной схвачены, ободраны от полиэтилена и съедены, когда на запах расправы подошла кошка. Сцапав и ободрав когтями пару палок, она спросила:

– Банку с тунцом откроешь? На ней ключа нет.

– Тащи – открою.

Меня одарили вопросительным взглядом.

– Сама откроешь, я руководить буду.

Через минуту кошка была около меня с большой банкой в зубах, а я гордо восседал около массивной тележки, на которой стояла паллета с сахаром. Длинная ручка у основания образовывала рычаг. Всё было просто. Это устройство было буквально создано для кормления консервами двух голодных хищников. Поднять рукоять и положить под неё банку. Кошатаина опёрлась лапами, перенесла вес своего тела на ручку. Банку, как гильотиной, обрезало пополам. Урча от удовольствия, пантера достала когтем кусок рыбы и отправила в пасть. Способ совсем неэкономный. Полбанки смялось в уродливый кусок жести, но и по количеству припасов у нас тоже лимита не было.

Поели тушёнки, рыбы, консервированных тефтелей и паштетов. Собаку я покормил, а вот человек просто хотел пройтись по отделу с тортиками и печеньями. Срок хранения современных кондитерских изделий, напичканных химией – почти как у тушёнки, но мне завтра с восходом солнца отправляться за подмогой. Как отреагирует собачий желудок, я не знаю, а будет ли у меня возможность санитарных остановок – неизвестно.

Взял себе на заметку – прихватить в дорогу палку сырокопчёной колбасы. Туесок с едой в зубах тащить глупо, но вот палочку отсюда прихвачу – уж больно она хороша. Теперь отдыхать. Я улёгся, прислонившись к кошке. Она наверняка спит более чутко, чем я, и в случае резкого подъёма я это замечу, наверное. Кошатаина наверняка поняла, что я это сделал чисто из утилитарных соображений, желая получить живой будильник, но упустить такую возможность произдваться не могла. Пантера замурчала, и когтистая лапа почесала мне за ухом. Вот же кошка! Но я слишком устал, таская своего товарища, чтобы возмущаться.

Стыдно сказать, но это был мой первый опыт совместной ночёвки с женщиной в чисто деловых отношениях. Я проснулся с первым заревом за горизонтом, когда полный мрак сменился сероватым небом. Уютно свернувшись калачиком, я валялся, засунув морду под лапу. Пантера лежала, прислонившись ко мне спиной, и уже точно не спала. У меня такое ощущение, что она всегда только вполглаза дремлет.

– Кошатаина, ты вообще кто?

– Я думаю, что пантера. Это разновидность ягуаров, но мне досталась самая ровная по окрасу порода. Обычно у всех представителей моего вида на шкуре пятна, а у меня вся шерсть чёрная. Скорее всего, пятна тоже есть, просто одного цвета с базовым окрасом.

– Кошка, я тебя о другом спрашивал, не строй из себя дуру.

Кошка встала, выгнула спину. Она встала как настоящая домашняя кошка. Волна изгиба пошла по хребту назад, а передняя часть спины прогнулась вниз, и когти заскребли по полу. Я это наблюдал не в первый раз, но всегда это выполнялось идеально, с истинной кошачьей грацией. Или умения остаются при трансплантации от предыдущей хозяйки тела, или это были актёрские таланты?

– Я, мой дорогой Блохастый, аналитик у оперативников. Ещё учитель. Когда совсем со здоровьем плохо стало, перешла на осёдлую работу.

– Ты оперативник? Я догадывался, когда тот уродец с кишками в руках выбежал. Нас как-то с объекта в Африке оперативники вытаскивали. Они негров с какой-то отморозенной секты порвали, а когда до брони вели, то глаза, как детям, прикрывали, чтобы впечатлительная профессура от вида кусков трупов в штаны не обделалась. И чему ты детей учила?

– Жить и выживать учила. Знаешь, сколько мне писем приходило потом: «Мария Ивановна, вспомнил, чему учили, и выжил»...

– Мария Ивановна? Ты – Мария Ивановна? Дети, я ваша учительница Мария Ивановна! Достаньте ножи, мы будем учиться ими пользоваться. Саша, не дёргай Анечку за косичку. Валера, ножик держат вот так, лезвием сюда, иначе перебить артерию не получится. Рык, рык, рык, рык! – неволью вырвалось у меня из пасти.

Пришла моя очередь валиться на спину и дрыгать ногами в воздухе. Немного нарыкавшись, я замер и посмотрел на кошку:

– Ты правда Мария Ивановна?

Пантера посмотрела на меня, как на тупого младшеклассника, ползущего по полу коридора школы и изображающего индейца, а я продолжил рыкать.

Повеселила меня кошка. Теперь всё стало на свои места. Чему я удивляюсь? Актёрское мастерство – это основа её выживания. Она оперативник, а их бывших не бывает, их вообще не увольняют. А чтобы стать аналитиком и учителем, надо достигнуть истинных высот мастерства. Думаю, ролей в её жизни было сыгранно бессчётное множество, от деревенской хабалки до бортипроводницы, нахальной паровозной или скромницы самолётной, строящей глазки, или роль внучки белогвардейца, бросившего в самый трудный час Родину. Миловидная девушка ненавидела своих соплеменников, тоже говорящих на русском, и имела прекрасное образование. При этом дама считала себя благородной графиней и не упускала случая поиздеваться над туристами из России, у которых работала гидом. Роли могли быть какими угодно – а потом происходило перерождение. Деревенская хабалка или тупая француженка, гордящаяся своим происхождением от русской княгини, за долю мгновения превращалась в дикую фурию. Ножи, вилки, ложки, зубочистки, голые руки и ноги – всё это было смертельным оружием. Её этому учили долгие годы. Самые лучшие охранники, морпехи и бандиты вряд ли что-то успели бы сделать, или продержаться против неё несколько секунд. Но и этих секунд, как правило, не бывало. Оперативник никогда не устроит драку на татами, а ударит тихо, быстро и без предупреждения. Многие из целей наверняка даже не понимали, как умерли. Разведка, сбор информации и чёрт знает что ещё поручалось этим специалистам. Вот теперь понятно. Как я и предполагал, кошка с ножей быстренько переучилась на когти, и все её таланты врачевателя и телохранителя тоже стали понятны.

– Собака, иди к миске и на прогулку, – промурлыкала пантера, когда я вдоволь нарыкался. – Тебе уже пора отправляться, пока я твоего хозяина караулить буду.

Глава 5. Пёс. Коллега

Я прекрасно знал, куда бежать, и был в курсе расположения заражённых, несмотря на то, что оказался здесь впервые. Моё внутренне чутьё крепло с поразительной скоростью. Галоп сменяла рысь, а где-то приходилось двигаться ползком, подолгу замирая в укрытии. Я настолько доверился своему чувству, что пару раз даже позволил себе наглость пробежать между двух групп тварей. Я просто был уверен, что развитых среди них нет.

Спасаясь от очередных увязавшихся за мной нескольких бегунов и выбежав на поляну, я буквально носом упёрся в огромную клыкастую пасть. Зверь превосходил меня в холке раза в два, и был как минимум тонн пять весом. Ничего лучше, чем плюхнуться от неожиданности на задницу и сказать: «Ой!» – я не придумал. Зверь стремительно перепрыгнул мне за спину, и в несколько ударов прибил наиболее шустрых преследователей. Когтистой лапой он размашисто отшвырнул трупы заражённых подальше в кусты, метров на пятнадцать. Затем клыкастый гигант подошёл ко мне и оскалился:

– Добрый день, коллега, и чего вы здесь бегаете?

К такому повороту событий я готов не был, поэтому почесал в растерянности задней ногой за ухом и ответил:

– Я не знал, я вас не чувствовал, э-э-э... Ну, как сказать...

– Это у меня умение такое, я могу к очень крупным тварям почти вплотную подбираться, даже сенсы меня не чувствуют. На меня так часто натываются, бывает, иногда даже облегчаются, когда нос к носу сталкиваются неожиданно. Пока на пару метров не подойдут, вообще не замечают, – полуговорил-полуурчал мой новый знакомый, отрывая лапой увесистый кусок мяса от большой туши заражённого.

Убитый заражённый переродился явно из животного, и сейчас мой знакомый обедал. Протянул мне повисший на когте ломоть:

– Кушать будете?

Я? Эту гадость? Фу-у-у. Буду. Мне силы нужны, а с собой я ничего из еды не взял. Когда заикнулся кошке, что собираюсь с палкой колбасы в пасти по лесам бегать, то получил такой взгляд, что даже не стал выяснять, почему нельзя. Просто поел немного впрок – но это было уже давно.

– Спасибо! – я сосредоточился на еде.

Мясо было преотличным, и собака внутри меня ликовала, а за свою жизнь человека я ел вещи и похуже. Столовые в моей жизни были не всегда офицерские, случались и рабочие, а бывало, и вовсе на самообеспечении приходилось месяцами сидеть.

Мой новый знакомый не был похож ни на что из виденного мной ранее. Ключья белой шерсти выбивались из-под роговых пластин, образующих плотный панцирь, как у броненосца, а сверху его защищали массивные плиты вспененного бронекompозита. Всё это было покрыто элементами динамической защиты. Когти и передний ряд клыков были протезированы металлом.

Разорванные тела заражённых валялись по краю поляны. Там тоже трапезничали. Если кто из тварей выходил к нам, то получал мощный удар лапой, и отлетал обратно, становясь уже едой на этом празднике обжорства. Офицерская столовая и столовая для рядового состава, пронеслась мысль, и я невольно оскалился.

Дав мне немного времени на еду, мой новый знакомый спросил:

– Дорогой мой коллега, куда вы так бежали, и почему один? Где вы живёте, и не встречали ли ещё кого из химер?

Я кратко пересказал свои похождения. Про кошку ничего говорить не стал, пока не выясню все обстоятельства нашего знакомства. Задал встречный вопрос:

– А кто вы такой?

– Я Элвис – как и вы, тоже химера. Мне подошёл белый медведь, и так получилось, что нужно было набирать массу. Пришлось развиваться как кваз, и на меня навесили обязанности по дальним путешествиям. Я теперь, как Беллинсгаузен, могу в одиночку до самой Антарктиды дотопать, оставаясь незамеченным – а если кто заметит, то ломаю шеи. Вот такая теперь у меня научная деятельность. Я, мой друг, о вас обязательно сообщу, только с собой взять не могу. Вы пока тут сами. Куда я иду, там совсем гиблые места. Поживите среди людей и старайтесь меньше болтать, мы вас обязательно найдём. У нас целый город, но далеко.

Интеллигентный мутировавший белый медведь поднялся и глянул на меня:

– Покушали, коллега?

Я кивнул и тоже поднялся.

– Вы сейчас за мной двигайтесь, я в вашу сторону немного пройду. Дорогу для вас почищу, а то вокруг нас много заражённых собралось.

Покрытый бронепластинами, но удивительно подвижный гигант пулей понёсся вперёд. Такой скорости от столь массивной туши я не ожидал. Бежал за ним что было сил, уже не обращая внимания на окружающее. Заражённые от ударов лап летели в стороны, небольшие деревца ломались, а в кустах образовывались широкие проходы. Мой знакомый пёр как танк с полкилометра, а затем заложил поворот, махнув мне лапой, чтобы я бежал прямо. Заражённые побежали за ним на шум, но через полминуты я перестал чувствовать моего коллегу, а твари начали двигаться бесцельно кто куда. Это всё подсказало мне моё чувство, которым я уже довольно сносно приловчился пользоваться. Очевидно, Элвис включил своё умение быть неосязаемым.

Мой поход был рассчитан на два дня, но получив возможность отдохнуть и поесть, да ещё имея в распоряжении такое чувство, я двигался намного быстрее расчётного. Весь день я трусил за помощью. Собачья выносливость не идёт ни в какое сравнение с человеческой. Самый большой плюс к скорости давало точное знание расположения заражённых. Без него половину пути надо было бы ползти на брюхе, прислушиваясь к каждому шороху, а не переться, как я, сквозь кусты, распугивая мелкую живность. Я решил не останавливаться, пока могу бежать.

Через два часа после захода солнца мне удалось добежать до стен нашего стаба. Я опёрся лапами на массивные металлические ворота и завыл:

– У-у-у у-у-у-у-у у-у у-у-у-у-у!

Караульный, не заметивший, как я подошёл к стене, от такого звука уронил что-то тяжёлое и ойкнул. Сразу несколько лучей прожекторов направились на меня. После шоу с банками и заунывной истории Бублика и Коржа про патроны меня тут каждая собака знала. Ворота отворились, и на меня набросились с расспросами, что случилось, и где Корж. Они уже были на месте нашего боя, и встретили там целую орду заражённых. Разумеется, в живых никого увидеть уже и не ожидали. Я схватил зубами за рукав начальника караульной смены и пару раз дёрнул в направлении от стаба, а затем, вспомнив дурацкую картину, где охотничья собака показывала дичь, попытался воспроизвести стойку.

– Корж живой? – начальник караула взял мою морду и глянул мне в глаза, а я постарался как можно жалобней и утвердительно твякнуть.

Меня крепко обняли:

– Блохастый, ты же ж псина!

Через десять минут никто не спал, а милитаризованная зона нашего стаба гудела как рассерженный пчелиный улей. Через двадцать минут бронеколонна в составе двух БМП, двух БТР и трёх пулемётных пикапов уже неслась на выручку моему другу. Я указывал направление, опёршись о торпеду, и изображал как мог позу охотничьей собаки, нацеленной на добычу.

Супермаркет мы нашли на рассвете. С моего ухода прошло чуть больше суток. Парни десантировались с брони, а я в сопровождении нескольких штурмовиков двинулся внутрь помещения. Кошки нигде не было, а вот трупы заражённых с поломанными позвоночниками нашлись. Около десятка неразвитых пустышей и бегунов валялись повсюду. Около тележки добавилось раздавленных банок с рыбой – очевидно, пантера перед уходом основательно подкрепилась.

Я подбежал к двери конторы и зубами крутнул многогранную ручку. Я это специально сделал, чтобы все увидели, что я и сам в состоянии открыть, и не строили догадок о загадочном некто, пришедшем мне на помощь. Корж был скорее мёртв, чем жив. Если бы помощь пришла завтра, то не факт, что мы бы нашли своего товарища живым.

Моё участие больше не требовалось. Над Коржом суетились знахари и военмеды, а я отправился к уже знакомой мне пирамиде из сырокопчёной колбасы. Содрав полиэтилен, я лежал на брюхе и неспешно жевал. Ко мне прямо на пол подсел один из бойцов, тоже взял колбасу и, ободрав её с помощью ножа, молча присоединился к моей трапезе, свободной рукой почёсывая мне загривок. Устал я порядком – почти вторые сутки без сна – и настроение было самым благодушным и сонным.

Из нирваны меня вырвало моё чувство. К нам с той стороны, откуда мы приехали, приближалась приличная толпа заражённых. Сколько – сказать я не мог, просто много. Я подорвался и, направив в ту сторону морду и придав своему телу охотничью стойку, зарычал, а потом завыл. Сидящий рядом парень, от такой смены моего настроения отдёргнул руку и отполз, активно двигая булками. Затем заорал:

– Тревога! Блохастый что-то показывает! Туда рычит!

Народ подорвался. Уже получившего первую помощь и уложенного на носилки Коржа сунули в броню, а бойцы срочно готовились делать ноги. Мне сразу поверили, и колонна начала движение не в сторону нашего стаба, а в противоположную. Через пару минут нас начали догонять заражённые. Они были повсюду и везде. Пока только бегуны, и опасности для брони они не представляли – а вот для пикапов всё было гораздо хуже. Мы всё ещё двигались по пересечённой местности и главную свою защиту, скорость, они использовать не могли, несмотря на лифтованную подвеску.

Я уже начал волноваться, но наш отряд выкатился на кластер с большим многополосным шоссе. Прекрасный асфальт со свежей разметкой в три полосы в одну сторону тянулся от горизонта до горизонта. Пикапы рванули вперёд, оставив заражённых кидаться на нашу броню. Вполне разумно. Бегуны и пара особо шустрых лотерейщиков ничего нам сделать не могли, а мехводы наших коробочек не стали рвать трансмиссии, а чинно проследовали за скрывшимися за горизонтом пикапами. Изредка слышались профилактические выстрелы из малошумного оружия. Твари прибывали.

Пикапы были уже очень далеко, а наша колонна замерла и, крутнувшись на месте, встала носами брони в сторону идущих тварей. Выполняя роль волнорезов, мы рассекали поток заражённых, которые шли по своим неведомым делам, насколько хватало глаз. По корпусу стучали, скребли и лезли сверху и снизу, пытаясь выцарапать добычу. Мехвод цокал языком и материл тварей за оторванные антенны и испорченное внешнее оборудование. Бойцы поудобнее расселись, а я опять подвергся нашествию чесальщиков. Под монотонное почёсывание со всех сторон и приглушённые бронёй звуки ударов и царапания я заснул.

Проснулся, когда мы ехали уже довольно долго. По разговорам понял, что пережидали около часа. Пикапы пошли на стаб по своему маршруту, объезжая орду по большой дуге, а мы, пропустив основную волну заражённых, спокойно поехали обратно. Непрошенных пассажиров, облепивших нашу технику, скинули по дороге, ободрав их об ветки деревьев, а особо цепким оказав помощь парой пуль из бесшумного оружия. Я слишком сильно устал и всё пропустил. Прошёлся по салону и заглянул в триплексы: яркий солнечный день и проносившиеся

мимо нас деревья и кусты. Ничего интересного. По сторонам от нас стояли и бродили совсем маленькие группки заражённых. Я их чувствовал. По сравнению с тем, как я сюда бежал, тварей было на порядок меньше. Очевидно, всех заражённых подгрело ордой, и они ушли в сторону от нашего стаба.

Въезжали мы героями. Пикапы прибыли раньше нашего, и народ уже успел встать на уши, ожидая экспедицию спасения. Мальвина, как и положено жене, немного попричитала над бессознательным мужем, которого перетащили в бункер, выполнявший функцию полевого госпиталя. В милитаризованной зоне нашего городка архитектура была весьма оригинальна: пара этажей над землёй и три-четыре вниз. Тут обожали бункеры. В госпитале (именно так тут называли медучреждение, а не больницей или поликлиникой) два этажа с палатами были над уровнем земли, а реанимация, склады и палаты послеоперационного восстановления находились под землёй.

Глава 6. Пёс. Новые звуки в научной деятельности

Шли дни. Корж уже давно пришёл в себя, и к историям про патроны и консервные банки добавился героический эпос о собаке, которая не пожелала бросить своего хозяина, а тащила его к спасению через все тернии судьбы. Жил я, разумеется, согласно прописке, у Мальвины, но уходил из дома утром, а возвращался поздно вечером. Всё это время крутился, слушая рассказы бойцов, которые радостно принимали меня в свою компанию. Питался в столовой. Корж со своими тремя чёрными жемчужинами мне, очевидно, помог открыть умение сенса – это благодаря ему я теперь чувствовал всё живое... Но и подгадил он, как по мне, прилично.

Я стал меняться. Туша стала крупнее, а пасть прибавила в размере почти в полтора раза. Сейчас я по размеру укуса мог посоревноваться с пантерой. Пальцы на лапах прилично удлинлись – очевидно, сработали генмодификанты, которые должны были превратить меня в подобие человека. Шерсть стала выпадать многочисленными клочьями, на месте которых появлялись роговые наросты. Как мне удалось выяснить, я становился квазом. В отличие от людей, превращавшихся в полное подобие мертвяка, у животных это происходило иначе. Возможно, в моем случае причина была в генмодификантах.

Мой и без того пронзительный нюх стал острее в разы. Теперь я мог, просто понюхав руку, точно сказать о том, что в течение дня ел человек, сколько раз ходил в туалет, когда последний раз чистил оружие, и как давно гладил свою кошку. Немного привыкнув к избытку информации от моего прежнего носа, сейчас мне пришлось полностью перестраивать отношение к запахам. Чтобы занять немного голову, я начал свою научную деятельность. Единственное, что было плохо – так это то, что всё приходилось держать в голове. Записывать или спеть планшет для диктовки я не рискнул.

Мне удалось с головой погрузиться в научную деятельность. Я всегда считал, что заниматься надо тем, к чему у тебя есть возможности. Если ты имеешь рост метр пятьдесят – то, скорее всего, в баскетболе ты успехов не достигнешь, а вот шахматы вполне подойдут. Придумывать уже придуманное тоже несерьёзно. Я решил заняться тем, чем раньше наверняка не занимались – по крайней мере, мне было неизвестно, что раньше этим кто-то занимался.

Чем ближе к старости, тем, к сожалению, больше приходится проникаться медициной. Анализы крови не всегда проявляют отклонение от нормы, потому что организм по максимуму старается сохранить постоянный баланс. Состав крови и химические компоненты до последнего остаются постоянными, и только совсем серьёзные аномалии вызывают какие-то химические расхождения. В нашем мире сейчас активно начали использовать анализы волос. Волосы выросли, и организм считает их инородной частью тела, и засовывает туда всё лишнее. Подробностей не скажу, но некоторые вещи по волосам видно лучше, чем по крови.

То же самое, как оказалось, касается и газов из кишечника. Если запах крови останется неизменным до последнего, то запах внутри кишечного тракта является инородной частью организма и туда, наоборот, сбрасывается всё лишнее. Запах может меняться в зависимости от состояния здоровья, от того, в покое или в активном движении находится организм, и даже от душевного состояния. Я совершенно отчётливо унюхивал изменение запаха, когда люди разговаривали о бабах или новых стволах, и абсолютно другой запах был, когда они чистили оружие и выполняли нудную, но нужную работу солдата.

На самом деле всё выглядело не так. Я не поехал крышей и не стал извращенцем. Если вы живёте в деревне и, выходя на крыльцо, полной грудью вдыхаете запах утренней росы и свежескошенной травы, то и запах свежего навоза тоже вдыхаете. Всё идёт комплектом, и одно без другого не бывает.

Давление газов из нашего кишечника постоянно сбрасывается. Люди это делают постоянно, неосознанно, совсем немного. Мне, как собаке, совершенно это очевидно, но челове-

скому уху и человеческому носу это незаметно абсолютно. Это как дышать – действие неосознанное, а то, что человек может обнаружить носом либо унюхать, а тем более услышать – это уже прорывы инферно. В этих случаях с моим чутким обонянием только бегством спасаться. Есть ещё несколько индикаторов, такие как запах кожи, запах изо рта и даже запах носков, но, не имея возможности записывать, я решил пока ограничиться только изучением внутренних газов.

Мне было неизвестно, чтобы кто-нибудь этим занимался ранее. Переписывать теорию вероятности и прочие монументальные труды мне не хотелось. Буду заниматься чем могу, раз силой обстоятельств и случаем мне выдан такой замечательный нос.

Новую область науки я назвал «Запахология» и создавал теорию, получившую рабочее название: «Теория классификации пуков». Это маленькая часть теории, призванной систематизировать запахи. Раз мне, человеку, всю жизнь проработавшему в сфере технических наук и конструирования, достался такой замечательный нос, просто глупо будет не использовать эту возможность. Разумеется, данной главой я не намеревался ограничиваться, но для начала можно попытаться заняться и этим. С чего начинать – никакой разницы, и возможно, теория впоследствии будет переименована во что-то, гордо звучащее как «общая классификация и систематизация образования запахов и условия восприятия», или в том же духе.

Самым главным для меня открытием было выделение базовых запахов. Я выделил три: запах поноса, запах варёной печёнки и запах мусора. Все остальные оттенки запаха, как цветочные точки на экране монитора, складывающиеся в миллионы цветов, были соединением этих трёх в разных пропорциях. Были, конечно, и запахи прямой ферментации. Возможно, я их называю неправильно, но в этой области я ранее специалистом не был, и мог немного путаться в терминах. Если вы весь день ели чеснок или пили компот с экстрактом эстрагона, то и эти запахи будут присутствовать, разумеется – но они не мешают первым трём, а только дополняют их.

Поле для научной деятельности было необъятное. Везде, где были люди, там было и поле для научных изысканий.

Я бродил повсюду. Приходил несколько раз в палату к Коржу, и тут же попадал под чесание. Целью визитов, впрочем, было посмотреть, как себя чувствует мой товарищ, и показать, что мне не плевать, как он выздоравливает – а не получить сеанс ненормируемого массажа.

Ещё одним видом научной деятельности для меня стало изучение себя. Может, и звучит странно, но сейчас во мне происходили грандиозные метаморфозы. Моё умение я однозначно классифицировал как сенс-навык, именно так его здесь называли. Я специализировался на крупных живых объектах. Птичек, зайцев, небольших собак и кошек я не чувствовал в упор. Несколько раз пугался, когда, уверенный в том, что рядом никого нет, спугивал у себя из-под носа сороку, улепётывающую от меня с дикими воплями, или, гуляя по посёлку, обнаруживал в нескольких сантиметрах от морды шипящую надувшуюся кошку. Самым тяжёлым для меня было понять механизм работы и систематизации информации. У меня не было красных и зелёных точек, как на радаре – я просто знал.

Это не всё, чем порадовало меня моё новое тело. Чутьё было выше всяких похвал, а ещё одним источником информации стал слух. Если человек двигается бесшумно, то это так только для него и других людей. Мы, собаки, прекрасно всё слышим. Любой Бобик в курсе, что в сад за абрикосами залезли воры, и только его природная лень позволяет ворах сохранить подобие инкогнито. Встать и погавкать – зависит от настроения. Что касается нюха, то запахи не могут быть незамеченными, они могут быть проигнорированы, и это только вопрос подветренной стороны. Если по ветру к вам идёт тракторист, просидевший всю смену за рычагами, а после смены немного принявший на грудь, вы о его приближении узнаете.

Пока Корж выздоравливал, я принял участие в боевых действиях. Стронги активно использовали собак по тем же причинам. Слух, нюх и ночное зрение у собаки не в пример

лучше человеческого. Я вошёл в состав отряда, задачей которого было обнаружение муров, подбирающихся к нашей базе. Место нашего стаба было очень удобное. Совсем рядом была некая чернота, вблизи которой не летали беспилотники, и артиллерию для удара по нам тоже применять было бесполезно по тем же причинам. Вместо фугасов к нам на стаб падали безвредные болванки, или снаряды взрывались ещё в воздухе. Если муровы хотели нам подгадить, то им надо было подбираться практически под самые стены, на дистанцию прямого выстрела из гранатомёта.

Я и парни моего отряда мочили муров и их хозяев внешников. Кто такие внешники, я так и не понял, для всех это было и так очевидно, а вот собаке по-прежнему так никто и не объяснил – хотя если я подходил к пулемёту и имел неосторожность его понюхать, то получал целую лекцию об оружии и демонстрацию неполной разборки. Золотое правило, что нужно рассказывать мне всё, на что я обратил внимание, действовало безукоризненно – кроме объяснения, кто же такие внешники, и почему от них столько проблем. Спросить у моего коллеги, встреченного в лесу, или у пантеры – я не догадался.

В один из рейдов я почувствовал странных людей. Специально я это не продумывал, просто, когда чувствовал муров, то формально рычал и становился в дурацкую стойку с поджатой лапой. Люди почему-то думают, что именно так собака должна стоять, когда чувствует добычу. Была какая-то старая картина из учебника по литературе, с изображением такой собаки и охотника. На самом деле так стоять очень тяжело, и обычную собаку, скорее всего, заставить так поджимать ногу не получится. Автор изображения, как по мне, имел слабое представление о собачьей анатомии.

Впервые почувствовав внешников, я так удивился, что, начав по привычке рычать, сменил тембр рыка, а затем и вовсе перешёл на писк. Я не знал, что это именно они, просто эти приближавшиеся были несколько другие. Оказывается, за мной следили больше, чем я мог подумать. Ребята как-то подобрались и отправили разведку, которая и доложила, что я обнаружил аж целую колонну внешников. Тогда, имея в отряде всего пять человек и одну квазисобаку, мы потихоньку слиняли, сообщив куда следует.

Я ничего не стал менять. Если приближались только муровы, то рычал обычно, поворачиваясь в сторону и становясь в стойку. Для внешников я сохранил рык, переходящий в писк с различными вариациями. Приближение заражённых я обозначал коротким рыком, а если надо было пройти мимо нескольких групп тварей, то, помня, как тащил Коржа, я брал за рукав кого-нибудь из группы и делал несколько тянущих движений в нужную сторону.

Моё умение сенса росло как на дрожжах – впрочем, как и морда. Проплешины, на которых росли роговые пластины, увеличивались, а шерсть выпадала. Я изрядно прибавил в размере. Изменения происходили рывками. Можно было неделю не замечать, а потом за два дня поменяться до безобразия. Я как-то вернулся домой с пятидневного рейда, и Чарлик меня не узнал. Тупое животное спряталось за Мальвину, которая только ойкнула при виде моей красоты и прикрыла в ужасе рот ладошкой. Зато Корж был в восторге. Он ржал в голос на всю палату, сознавался соседям, что с самого детства хотел страшную служебную собачицу – а теперь при виде меня бультерьеры вместе с хозяевами гадиться будут. Перебинтованные товарищи по госпиталю согласно кивали и лыбились в предвкушении. Меня же больше всего в этой трансформации радовало удлинение пальцев. Они были по-прежнему пригодны для хождения, но стали иметь гораздо больше степеней свободы; а за счёт того, что они были натренированы держать моё тело, пальцы стали очень сильными.

Я втихаря пробовал пользоваться инструментами. Один раз использовал ножницы по металлу, просунув два пальца в ушки. В бытность человека перекусить стальку в четыре миллиметра, используя указательный и средний палец, я точно бы не смог – а тут силы хватило на электрод-шестёрку и кусок медного кабеля квадратов в сорок. Очень много движений я перенял от пантеры, вспоминая, как она работала лапами, когда Коржа бинтовала.

Я был счастлив: научная деятельность, налаженный быт, друзья и регулярные пикники с оружием. Нам даже пару раз удалось поджечь бронетехнику неприятеля, и я сидел у пылающей машины, смотря на огонь, грея морду и с удовольствием вдыхая запах горелой резины и пылающего топлива.

А! Вот ещё что! Этому дала, и этому дала, и этому дала, этому – не помню, пьяная была, но, скорее, дала, чем не дала, а этому не дала, но ему, фу-у-у, ему никто не даёт. А вот этому тоже не помню, всех разве упомнишь? Нет, надо однозначно прекращать эту благотворительность.

Это я сейчас говорил про мою занятость и плотный график работы. Я только приходил с одного рейда, как меня сразу хватили и тащили в другой рейд. Все служебные собаки теперь сидели по домам, и выходили в рейды по остаточному принципу. Я от усталости не фигурально с ног валился. Несколько часов на сон – и в рейд. Ну, конечно, в чем смысл брать обычную собаку, если можно взять суперсенсорную собаку, которая за несколько километров знает о внешниках и мурах, да ещё и различает, кто есть кто.

Это у нас был очередной рейд. Спокойно себе сидел в раздумьях, меня даже чесальщики особо не доставали, занимаясь своими делами. Наш отряд облюбовал небольшую полянку со скамейками в большом полудиком парке. Рядом проходило шоссе, а неподалёку что-то там тоже нужное. Я не спрашивал, разумеется – мне и не рассказывали. Спокойно сидел на заднице и скрёб задней ногой за ухом. Ко мне подошёл один из парней и встал рядом, рассматривая меня и к чему-то принаравливаясь. Я опустил заднюю ногу и внимательно посмотрел на бойца.

– А кто тут у нас? – начал он свой бесхитростный диалог.

Я передней лапой поднял жетон и немного отодвинул морду.

– Блохастый! Это у тебя случайно получилось. А давай ещё раз? А кто тут у нас?

Ему и правда с одного раза непонятно? Нельзя прочитать? Игнорирую. И что вы думаете?

Повторяет:

– А кто тут у нас? – берёт рукой мою лапу и моей же лапой подымает жетон и повторяет: – А кто тут у нас?

Это он меня мой собственный жетон учит показывать? Меня дрессируют? Лапой жетон показывать учат? Обозначаю попытку укуса в область паха. Пасть у меня сейчас огого! Боец так шустро убрал обозначенную область подальше, что тело согнулось треугольником и плюхнулось на задницу. На всякий случай мой дрессировщик отполз, активно двигая пятой точкой ещё метра на два.

Вот же придумал – меня жетон учить показывать! Возмущение так и пёрло. А давай я его, пока он у меня азы жопохождения постигает, теории Мора научу. Будет знать, как графическим методом силовые нагрузки в арочных конструкциях рассчитывать. Это, конечно, не Мор начал, это ещё Кульман разработки затеял, но Мор довёл до сухой рабочей научной теории. Демонстративно показываю, что мне больше неинтересно, и отхожу в сторону. Вот же прямоходящие – как рыкнул, так разбегаются, боятся, а как хвостом вильнул, так чесальщики со всех сторон стаями налетают.

Подошёл к разложенной брезентовой накидке, на которой стояла еда. Придвинул поближе лапой миску с кусками мяса и взял пастью самый большой. Рука потянулась почесать меня за ухом. Рыкнул. Рука скрылась. Вот же достали: пока не рыкну, всё надо где-нибудь почесать, потрепать... Когда надо, я сам подойду. Сколько же мы своим домашним питомцам добра причиняем! Я направился в самый дальний угол стоянки. Хвост предательски вилял. Скотина ты, хвост. Так я этими мышцами и не научился управлять. Хвост прекрасно помогал, когда я бегаю, замирал, когда настораживаюсь, а в обычной ситуации жил своей жизнью.

Я спокойно ел. Дефиле на заднице и чудесное спасение самого дорогого активно обсуждались, и ко мне с дрессурой больше никто не лез. Я просто лежал на брюхе и, придерживая

лапами кусок мяса, ужинал, откусывая небольшие кусочки. Солнце уже почти село, и оставалось только наслаждаться редкой возможностью ничегонеделания.

Просто полежать у меня, как всегда, оказалось мало времени. Я себя впервые ощутил по-настоящему сенсом, когда ощутил их. Это был взвод внешников – четыре пулемётчика, четыре гранатомётчика, четыре снайперки – два «дырокола» и две малолетних, соответственно. От них пёрло силой и злой решимостью, да и состав взвода был странный. Как узнал – не спрашивайте, вот узнал, и всё тут. У меня аж шерсть на загривке встала дыбом, а почувствовал я их, когда они были совсем рядом. Меньше километра, и только густые посадки растений и редкие строения отгораживали нас от прямого контакта.

Муры и наши парни были примерно ровней. Бойцы были вооружены на сходный манер, и сражались каждый за свою правду. Небольшое техническое превосходство муров мы компенсировали знанием местности и верой в правое дело. Внешники были другими. По сравнению с ними мы были голодранцами, недоученными салабонами-призывниками, которым выдали старенький автомат, фляжку и пилотку. Слаженностью групп и снаряжением они превосходили наших бойцов на порядок. Эти внешники были злее и опаснее в разы, и дело не в оружии, и не в том, что они всегда были в костюмах химзащиты. Я знал – эти ещё опаснее.

Как можно более недобро я направил морду в сторону внешников и зарычал, как я это обычно делал, но вместо ожидаемой настороженности вышло иное. Осторожное рычание и вздыбленные остатки шерсти между роговых пластин ничего моим товарищам не сказали. Бойцы хотели видеть и слышать только желаемое.

– Блохастый внешников почувствовал, около взвода, – радостно извещали они друг друга и собирались со всех ног бежать ловить супостатов.

Они так безмятежно готовились к бою и уже начали выдвигаться на позиции, что у меня, похоже, не оставалось выбора. Несущиеся бешеными кошками мысли разрывали мою голову и скребли мозг. Гавкнуть? Заговорить и объяснить, что они придурки? Исполнить танец? Убежать? Их точно всех положат, им туда нельзя никак. Спалиться? Я набрал в лёгкие побольше воздуха, и на автомате поменял в своей будущей речи слова с «сопливыми» буквами на синонимы, а затем, повинувшись пришедшей в голову идее, сделал несколько прыжков.

Удобная всё-таки эта ручка на загривке формы. Мои зубы клацнули на холке командира, и мы вместе завалились назад. Он прилично бахнул каской об землю. Передние назад, задними отжать. Передние назад, задними отжать. Меня материли, фукали, били по морде, но шансов у человека подняться не было. Передние назад, задними отжать, и я рывком смещаю тело бойца ещё на полметра. Подняться, перевернуться или вырваться у человека никаких шансов не было. Остальные вскинули оружие, наблюдая за моим бесноватым поведением – но стрелять в столь полезную суперсенсорную собаку не спешили. На десятом рывке командир перестал брыкаться и материться, а его руки в тактических перчатках начали чесать мне под челюстью.

– Фу, Блохастый, фу, отпусти. Не пойду я туда. Отпусти, – командир сменил голос на спокойный, домашний.

Я отпустил ляжку и сделал шаг вперёд. Моя морда нависла над лицом человека, и с полминуты мы играли в гляделки, смотря в глаза друг другу. Что там думал хомо, мне неизвестно – но выводы он сделал. Народ напрягся. Была послана разведка в составе пары глазастых бойцов, которую вырезали раньше, чем они успели вякнуть. Вот тут уже мои парни забеспокоились по-настоящему.

Как я и предполагал, внешники всегда были профессионалами и сработанной группой. Из девятнадцати рыл нашего отряда до стаба добралось двенадцать живых бойцов и одна обнаглевшая псина. Пара человек была на носилках, и почти все в разной степени ранены. Пока мы отступали, бойцы уже успели обсудить мою выходку и пришли ко мнению, что если бы я не проволока командира за шкуру, то трупов было бы девятнадцать, и ещё неизвестно, как бы

всё обернулось после. Внешники имели возможность нас порвать, но раскрыв своё инкогнито и не имея возможности нас быстро уничтожить, предпочли дать отойти, а затем ушли сами.

Если ещё кто-то до этого воспринимал меня как собаку, то теперь все относились ко мне как к бойцу. В столовой уже давно стоял журнальный столик с моими мисками, и, приходя поесть, я получал кусок мяса. Меня вписали в штатное расписание как человека. Здесь было довольно много собак, их использовали как дополнительные уши и глаза отряда, но скажите, зачем брать обычную собаку, если можно взять меня? Все уже понимали мои возможности.

За моим поведением теперь следило множество глаз, пытаюсь вычислить зависимости и распознать мои сигналы, а у меня голова взрывалась – как выработать невербальные средства общения, чтобы доносить нужную информацию и не палиться. Это сработало только чудом, и хвала моей наглости, что мы выбрались, но этот трюк был всё же одноразовый. С этого момента в моей научной деятельности появился третий пункт исследований: «Активное слушание и односторонняя беседа».

Сейчас я серьёзен как никогда – вот, правда, серьёзный. После этого случая за мной наблюдали все, а я мучился раздумьями, продумывая ситуации. Систему подачи сигналов я интуитивно уже выработал, осталось доработать детали. Все были в курсе, как я рычу на муров и внешников, я уже приловчился обозначать заражённых и показывать проходы между групп тварей. С количественными показателями тоже всё нормализовалось. В штуках показывать не стоит, но, помимо цифрового выражения, есть ещё и аналоговое. Всегда можно порычать на большую группу побольше, на маленькую поменьше, а если знать меру, то двуногие очень даже неплохо понимают мои сигналы. А вот скажите, что делать, если тебе приходится общаться с незнакомым человеком, и его нужно расспросить об обстановке и дать ему рекомендации? Всё это надо, разумеется, выполнить в режиме, когда он человек разумный, а ты собака тупая.

Я ходил, радостно задрав морду – а хвост, чувствуя моё настроение, вилял. Мне уже давно не выпадало столько интересных и новых направлений для научной деятельности; расстраивало только одно – отсутствие возможности переноса своих наработок на бумагу.

В таких вот мыслях я набрёл на бойца, заправляющего ленту для крупнокалиберного пулемёта. Он монотонно вкладывал патрон за патроном и впрессовывал их машинкой. Через каждые пять-семь штук шёл уникальный, с пулей, почти полностью сделанной из вольфрама. Мне плевать, чем они тут заправляют ленты, но сам патрон мне был интересен. Сердечник делался на специальных высокоточных станках и имел дополнительные нарезки под биметаллической оболочкой для того, чтобы, попадая в твёрдую преграду, компенсировать вращение, добавляя проникающую способность. При попадании от биметаллической оболочки разлетались снопы искр. У пули даже бороздка перед тупым рылом была, чтобы доворачивать нормаль. Я попытался выколупывать этот патрон. Видя мои усилия, заряжающий мне помог и дал понюхать это изделие военпрома. Однако, как я и предполагал, это был именно тот редкий патрон, и для пулемёта он не предназначался. Кучеряво они тут живут, раз в пулемёт такие патроны заправляют. Уникальный, можно сказать, ручного, единичного изготовления предмет делался специально для стрельбы из крупнокалиберных снайперских винтовок на максимальные расстояния по легкобронированной технике и иже с нею. Конечно же, он подходил для пулемёта, но стрелять такими боеприпасами – крайняя форма расточительности. После моего обнюхивания парень побежал к командиру показывать патрон, высоко размахивая им над головой и крича во всю глотку:

– Блохастый опять патрон унюхал! Вот он, патрон!

Я семенил следом. Командир внимательно посмотрел на принесённый предмет и вкрадчивым, почти ласковым голосом спросил:

– А ты сам не видишь?

Боец глупо помотал головой. Командир перевёл взгляд на меня. Я присел на все четыре лапы, а хвост, чувствуя настроение, замахал. Я так и не понял, как мышцами хвоста управлять, но транслировать настроение изредка получалось.

Подозревая, что что-то идёт не так, парень начал оправдываться:

– Может, у него нюх? Может, что-то унюхал? Он служебный, его учили.

– Да. На вольфрам у него нюх. А у тебя глаза из жопы растут? Ленты из коробов вытаскивать! Кругом! Марш! – прервал его начальник, отправив обратно, затем глянул на меня.

Я строил морду как можно глупее. На мою деланную невинность только покачали головой. Я последовал за убежавшим товарищем. Через пару минут подошёл командир с парой наших снайперов. Это были настоящие мастера крупного калибра, посылающие за два километра пулю и отрывающие половину ноги муру – левую или правую на выбор – или голову внешнику. Внимательно осмотрев ленты, они нашли ещё полсотни вставленных в ленту безо всякой системы аналогичных боеприпасов. Совершенно очевидно, что боец даже не попытался заметить отличий этих от обычных патронов.

Как они его материли! Пытались выяснить у заряжающего, почему у него глаза из внутренней части полового органа растут, ведь что-то их прикрывает, раз он различий не видит. Про родственников спросили раз сто, и построили столько же догадок об их происхождении. Много чего интересного он узнал о себе. Чтобы было понятно, как всё серьёзно, когда перепуганный горемыка попытался вытаскивать патроны, то снайпера его отогнали и делали это сами, специальным инструментом, а когда патроны доставались, их внимательно осматривали и раскладывали в разные кучки, и затем упаковывали в мягкую и чистую фланельку, которую специально притащили. Я заслужил ещё несколько подозрительных взглядов, на которые отвечал глупой мордой и виляющим хвостом.

Глава 7. Пёс. Свобода

Началась война, самая настоящая. Внешники открыли ещё один проход и пытались подчистить территорию, что-то важное подмять под себя, а мы – отогнать злодеев обратно. Я всё-таки выяснил, кто они и чем промышляют. Многое нашло своё объяснение в голове несчастной собаки.

На войну провожали всем стабом. Как в Великую Отечественную, были цветы, воюющие навзрыд бабы и серьёзные утирающие носы дети. Формировалось ополчение – вернее, довооружалось и переподчинялось. Все, кто жил в этом уютном посёлке, прекрасно знали, что такое оружие, и имели у себя дома не по одному стволу.

Наши соседи пригнали нам несколько стареньких, прошедших не один капремонт, но вполне боеспособных танков; помогли с боеприпасами. Наш стаб получил несколько грузовиков, наполненных самопального вида, но вполне рабочими патронами самых разных калибров. Оставшиеся на стабе мужчины и женщины, как кроты, рыли и укрепляли оборонительные сооружения. Их задачей было в случае нападения армии муров и внешников просто пару дней удерживать стаб до подхода подмоги.

Корж оказался незаурядным военным начальником, и его оставили на стабе организовывать подготовку к обороне. Все его просьбы повоевать были пресечены на корню, и, сознавая серьёзность обстановки, он закусил удила и впрягся в работу. Я же, наоборот, был поставлен в известность, что с первой же группой отправляюсь в составе нашего отряда помогать союзникам бороться с внешним агрессором.

Бымс, тыц-тыц-тыц, бымс, тыц-тыц-тыц, бымс, тыц-тыц-тыц, бымс, тыц-тыц-тыц. Тяжёлый танк, обвешанный колонками и сабвуферами, давил небольшие деревца, подминал кусты и продавливал сарайчики. За ним шла наша бронетехника, а по краям шныряли пулемётные пикапы. Густой папиросный дым с запахом травы тянулся шлейфом за нашей колонной. Свобода. Это мои новые товарищи, хозяева и корешки. Мы с ними в одной банде, или отряде, или бригаде, не могу точно классифицировать наше воинское подразделение. Чёрные флаги от классического Роджера с черепом и костями до классического анархического с черепом и двумя саблями, зелёное знамя с оскаленным волком, и чёрно-красное знамя Анголы с шестерёнкой и мачете. Чего тут только не было, а знаки отличия на груди, шевроны и рисунки на касках поражали самое больное воображение. Тыц, бым-бым-бым, тыц, бым-бым-бым – жёсткие басы качали, с лёгкостью заглушая лязг траков и рёв моторов. К тянущейся за танком бронетехнике выскакивали заражённые. Их валили наглухо и отбирали споровые мешки.

Что сказать? Свобода! Боремся с рабством во всём мире, спасаем экологию, слушаем регги, иногда транс, курим траву и в хрен не ставим никакие авторитеты. В общем, всё, как в нашем мире, только в нашем мире им автоматов не дают.

Тыц-тыц, бум, бум, тыц-тыц, бум, бум, тыц-тыц, бум, бум. Прошла смена очередной мелодии. Я уже знал, что справа, впереди на два часа, нам встретится небольшая группа муров, человек пятнадцать. Моё умение по-прежнему развивалось. Я уже не просто знал, а мог у своего чувства уточнить – где, сколько, чего; но портить такой приятный момент не хотелось.

После очередной группы не очень умных заражённых, выскочивших проверить, что это за такой концерт, пацаны сменили в оружии обоймы и в зубах папиросы, и разбрелись по пикапам. Кое-кто забрался на броню неспешно ползущего тяжёлого танка и прочей бронетехники. Идиллический момент не хотелось портить, но до противника уже километров пять оставалось, надо было нашим ребятам дать собраться.

Я спокойно встал в стойку, повернул морду в нужную сторону, прорычал, как на муров, и гавкнул раз десять. У нас целая система была отработана. Мои компаньоны по предыдущей банде стронгов чётко наставляли моих новых друзей, как со мной обращаться. Разумеется,

рассказали истории о патронах, о том, как я своих не бросаю, про банки, и ещё чего-то от себя. Самым подробным образом рассказали, как я замечательно дрессирован, какой умный и, конечно, не забыли сказать, что они к этому приложили максимум участия.

– Муры! Человек десять-пятнадцать на два часа по колонне! – раздался радостный вопль.

Засиделись ребята. Они хотят вершить большие дела. Революции и прочее, что делал Че Гевара – это минимум.

...Наш небольшой отряд стронгов влился в довольно крупное подразделение свободовцев. Пацаны не только слушали регги, курили траву и боролись со всеми возможными и невозможными несправедливостями мира, но и обладали недюжинными умениями в боевой подготовке. К этому следовало добавить почти полное отсутствие комплексов и горячие сорви-головы. При всём этом была военная дисциплина, подкреплённая неплохим количеством бронетехники и безграничным ресурсом патронов.

Бронетехника в Стиксе отставала на три, а то и четыре – возможно, и больше – поколения от моего мира; но миры тут разные. Броня здесь была примерно такая, как во времена моей далёкой молодости, когда шла большая замена принятых в период послевоенной эпохи и потом глубоко модернизированных образцов на наши современные. Я тут ни разу не видел моделей с бронёй из вспененного бронекомпозита, да и сами модели были древние. Т-90 мы сняли с вооружения лет тридцать назад, а Т-80у МСМ в моём мире сохранил только название, в честь традиции, и немного форму обводов корпуса, а по сути был танком уже восьмого поколения.

Ребят из нашего отряда стронгов распределили по броне. Кто-то с радостью сел за пулёмётные пикапы. Меня отправили на второй за тяжёлым танком броневик командира, своего рода усиленный и превращённый практически в БМПТ. На нашем БМП установили полноценное орудие. Как они ухитрились это сделать – не знаю, но сейчас здесь была полноценная нормальная модернизированная башня, куча совершенно невероятно расположенных экранов, которые выполняли функцию защиты против противотанковых гранат ручных калибров и управляемых ракет. В то же время это железо служило удобными посадочными местами для сидевших повсюду на броне парней. Они обожали сидеть на броне. Каждый обживал своё место, привязывал подушечки, мешочки, подкладывал под зад рюкзаки с ценным имуществом.

Кстати, я не случайно сказал, что головной Т-90 был тяжёлым. Я как никто другой здесь знаю, что это единый или основной боевой танк, в зависимости от того, конструкторскую или армейскую классификацию использовать – но тут его превратили именно в тяжёлый. Свободовцы дополнили технику сюрреалистическими экранами и решётками, впереди приладили отвал, которым танк с лёгкостью подминал небольшие строения, и музыкальный центр дополнил образ. Это была своего рода гармошка, возимая с большим пафосом на башнях танков наших предков во времена Второй мировой. Теперь, наверное, было тяжело найти гармошку или балалайку, пришлось заменить на музыкальный центр. Хотя эти могли и гармошку найти, с них случилось бы...

Ко мне подбежал боец с нашивками Дарта Вейдера:

– Блохастый, давай за мной! Ты командиру нужен, – затем он развернулся и побежал.

Бойцы Свободы почему-то ко мне все обращаются как к человеку. А вам не кажется, что я вообще-то собака? Внимание, у меня четыре лапы, пасть и плешивая в роговых пластинах и клочках шерсти шкура. Почему вы даже не пытаетесь цокнуть языком или сказать «ко мне» и хлопнуть ладонью по колену? Он же сейчас просто подбежал, сказал пару слов – и считает, что я его должен понять. Просто подбежал и, отвернув от меня лицо, сказал, что мне нужно идти к командиру, во как! Интересно, у них выверты сознания местные, или это в человеческой психологии заложено? Почему это, интересно, собака должна речь понимать? Но – обстановка боевая, поэтому спрыгиваю с брони и следую за спешащим вприпрыжку воином помогать наводить в мире порядок. Народ вокруг суетился, все готовились к бою.

Всё прошло на удивление гладко. Обнаруженные мною муры даже сообразить не успели, что уже умерли. Свободовцы были снаряжены не хуже, а бурная жажда деятельности и шенячий патриотизм рвали все допустимые пределы. Об остальных боестолкновениях тоже толком рассказать нечего. Я уже не лазил по кустам со взводом сорвиголов, а был скорее средством радиолокационной разведки чуть ли не полкового уровня. Мои навыки быстро оценили, и теперь моя задача была находиться около командира, и в случае обнаружения ещё кого-то – давать сигнал. А если вдруг этот кто-то сбегал или прятался, то меня просили обнаружить злодея. Само место боя мне удавалось посетить, только когда уже чистили окрестности и делили трофеи. Если нас начинали побеждать – а бывало и такое – то меня первого гнали подальше от передовой: уж слишком я был удобная и ценная псина.

Пока я бодрствовал, то поневоле был живым локатором в радиусе нескольких километров. Одиночные цели я чувствовал за полкилометра, небольшие группы за километр, а злые отряды и того больше. Меня любили все бойцы. Пока Блохастый сидит и чешет задней ногой за ухом, количество караулов можно сокращать втрое. Со мной было удобно, и пока я бдел, народ спокойно дрых. Конечно, меня страховали. Здесь прекрасно знали об умениях некоторых личностей закрываться от сенсов – я сам знал одного такого! – но это единичные бойцы, а вот подобраться к нам отрядом ближе пары километров не получалось. Мой знакомый белый медведь был настоящий мастер скрытности: пока носом не ткнёшься, вообще не замечаешь. Это я не фигурально. Помню, как в лесу натолкнулся на своего коллегу. Просто бежал и практически ткнулся мордой в пасть – почти в метр шириной, с двумя рядами клыков по десять сантиметров... Едва не обгадился тогда.

Наш командирский броневик стоял рядом. Парни перебирали добычу. В долгих и упорных боях с мурами и внешниками было уже захвачено столько трофеев, что сами стволы ценности не представляли, а использовались больше для обмена с соседями. Ценными были только боеприпасы и редкие расходники, которые в сельмаге на кластере не перегружаются. Я лежал на брюхе, удобно положив передние лапы под голову, и наблюдал за окружающими. Вокруг, кроме нас, было всего несколько групп неразвитых заражённых. Смысла подавать сигнал не было – этих ребята даже без огнестрела в ножи возьмут.

Ко мне подбежал молодой человек, обвешанный двумя автоматами: «калаш» с оптикой и ещё что-то незнакомое и небольшое. Обоймы были по-модному перемотаны изолентой, обязательно синей. На шевроне советское Красное Знамя, октябрятская звёздочка и два скрещённых косяка на каске.

– Блохастый, тебя к командиру. Он тебя во второй штабной палатке, около поваленного дерева ждёт, – и убежал.

Твою мать! Чувачелло! Брателло! Ты куда пошёл? Нельзя сказать собаке: «Эй, Блохастый, тебя командир во второй штабной палатке ждёт», – я ж собака. Но он уже убежал. Мои мысли не подействовали. Странные они, свободовцы. Когда мы вливались, стронги чётко сказали, что я обучен, и такой умной собаки отродясь никто не видел. Сказали, что я великолепный сенс, определяющий, сколько где муров и внешников, и где просто разбитные чуваки на бронетехнике – но никто не говорил, что ко мне можно обращаться сложными фразами. А где команды? А где цоканье языком? Но я, как обычно, уже сполз со своего места и потопал к командиру.

Если кто-то думает, что это всё – так это не всё. Когда проводили брифинг, я обязательно там присутствовал. Да, меня обязательно звали, потому что мне говорили, с какой командой я пойду. А ещё, раздавая задание, они тыкали пальцем в карту, и говорили, за какой сектор я ответственный. Вот так и говорили, водя пальцем по карте. Раз с той стороны у чуваков с крышей явный перекур, то хоть я как-то буду показывать, что здесь есть собаки. После того, как в карту ткнули пальцем и сказали: «Блохастый, вот отсюда досюда ты контролируешь, здесь наши сенсы. Если что, отходишь сюда», – я подходил к карте и внимательно принимался,

где водили пальцем. Считалось, что для собаки этого достаточно. Возможно, они и вправду верили, что этому можно научить собаку дрессировкой, или не знаю, что у них там в голове. Как собаке на карте что-то можно объяснить? Мне каждый раз хотелось хвататься за голову. Представляю, как бы над всем этим делом ржала Кошатица. Она наверняка где-то поблизости крутилась, но эту тихушницу разве увидишь, если она этого сама не захочет?

Сейчас всё было, похоже, очень плохо. Раздачу партийных поручений начали с меня.

– Блохастый, нам надо срочно выдвигаться – наши разведчики доложили, что нас решили уничтожить одним ударом. Пойдёшь со второй колонной, – вещал командующий.

Полностью рассказывать смысла нет – всё было очень плохо, даже хуже, чем я ожидал. Времени совсем не осталось. На наше подразделение двигалась вся мощь внешников и муров. В нашем объединении отрядов была собрана треть всей бронетехники свободовцев. По количеству брошенных на нас танков наши враги превосходили нас втрое, по людям – вчетверо. Внешники решили одним ударом закрыть проблему противостояния, и на острие атаки попал мой стаб.

Круглые сутки порталы внешников выплёвывали новенькую броню. Все уроды Стикса стекались в предвкушении больших заработков и защиты, спешно вооружались и проходили подобие боевой подготовки. Радовало и одновременно огорчало, что вся бронетехника была не современная. Мой родной стаб был одним боком пристыкован к очень агрессивной черноте, и современная электроника выходила из строя, какая бы она защищённая ни была. Домики строились в полтора этажа с низкими потолками, потому что на уровне пяти-шести метров выходила из строя даже обычная электрика. Если сделать дом на метр повыше, то лампочки и выключатели в пол вкручивать придётся. Я вначале удивлялся, почему в посёлке нет сотовой связи, а в каждом доме проводные телефоны. Теперь этот фактор играл на нас. Всё будет происходить на земле, без сверхумных снарядов и ударов с воздуха. Радовало, что техника старая, ровня нашей – а огорчало, что она гарантированно будет работать, и что её очень много.

Обсуждение длилось всего пару минут; меня отправили в штаб второй колонны, и мы двинули. Вокруг бегали бойцы, хватая самое необходимое, и грузились на грузовики. Этот мир со своими неограниченными ресурсами давал возможности, и машин хватало всем. Особенность второй колонны была в том, что она полностью состояла из колёсной техники – БТР, БРДМ и разных модификаций пулемётных пикапов и броневинов.

Расстояния в Стиксе небольшие. С одной стороны внешка, с другой – Пекло, а посередине полоса километров в пятьсот. Но переизбыток заражённых, чернота и перегрузки кластеров растягивали дорогу в сотню километров зачастую на несколько дней, а уж там, где путь проходил рядом с Пеклом – каждый километр мог требовать пробивать проход в тварях неделями.

Мы пришли первыми. Я спрыгнул с брони и отправился проведать своих друзей. Почти сразу встретил Мальвину. Я её впервые видел перепачканную глиной и с лопатой. Десяток женщин и пара мужчин рыли яму под фундамент для заливки бетонного ограждения. Мальвина, как обычно, ойкнула при виде моих изменений во внешнем виде, а затем радостно бросилась чесать за ушами. Чарлик был тут же и, подражая хозяйке, рыл передними лапами кучу глины. Коржа я нашёл рядом с КП. Он руководил погрузкой боеприпасов и раздавал распоряжение по размещению орудий в капониры. Получив немного почесух, я не стал отвлекать моего товарища, а отправился к своему БТР для несения службы.

Глава 8. Пёс. Великое танковое

Эти два дня мы копали траншеи, лили бетон и вбивали в землю столбы. Парни закапывали в землю сотни фугасов, монки развешивались гроздьями, растяжки устанавливались без счёта. Наши основные силы не успевали. К середине второго дня прозвучал приказ «Отбой». К утру враг должен был подойти, а бойцам, практически не спавшим двое суток, нужен был отдых. Всё, что мы могли сделать – мы сделали. Небольшую колонну с детьми и женщинами отправили в тыл, но почти все жители стаба остались здесь. Многие женщины заняли места у орудий. Нехитрая работа по подаче снарядов и тасканию лафетов вполне была им по силам. Были женщины и на пулемётных точках, и в миномётных расчётах. Иллюзий по поводу «оказаться пленённой, а затем стать второй женой вождя» никто не строил. За техникой внешников шло несколько рефрижераторов. Самый ценный ресурс – это органы, и внешники собирались своё предприятие окупить.

Всё замерло. Почти полная тишина пришла взамен стуку перфораторов, гулу бульдозеров и экскаваторов. Все отдыхали.

Я подорвался аж в три ночи и сломя голову понёсся к своим. Врагов было очень много. В моём сознании они были одним громадным заревом, идущим со стороны внешки. Я вбежал в штаб. Командиры уже были на ногах и отходили после сна, глотая большими кружками кофе, но давать общую тревогу не спешили. Ещё дополнительные полчаса-час сна для бойцов могут очень пригодиться сегодня. День обещал быть долгим.

– Блохастый, ты всего на три минуты позже самых передовых секретов докладываешь, – сказал мне командир. – Пару часов у нас есть, раньше рассвета они не начнут, а ночью у нас преимущество – мы эту местность до сантиметра знаем.

– Давай дружище, поешь, – один из бойцов поставил мне тарелку со слегка обжаренным куском мяса вполне достойного размера, и поскрёб мне за ухом по роговой пластине, защищающей заднюю часть головы.

Ещё час я ничего не делал, а наш городок потихоньку поднимался. Прогревали моторы бронетехники, проверяли снаряжение и оборудование, завтракали и расходились по позициям. Бойцов поднимали небольшими группами, давая как можно дольше поспать.

Я уже точно знал – где, кто и сколько. Отличить отдельные отряды не мог, но видел три колонны, идущие в нашу сторону. Никак не меньше сотни бронетехники. Я её тоже наловчился отличать от обычных машин и пулемётных пикапов по сгусткам энергии. Броня глушила сигнал, делая силуэты неяркими, а характерное расположение живых тел говорило о классе машины. Пустой танк я мог и не заметить, пока в него носом не ткнулся бы. Возможно, меня и можно было обмануть, управляя танком в одиночку, но пока с таким я не встречался.

Пора. В штабе уже было немало докладов. Все три колонны прошли мимо разведчиков, и были посчитаны. За тремя колоннами проследовали бензовозы, кунги, рефрижераторы, пехота на грузовиках и прочая обслуга, командирские машины и орудийные расчёты. Я данные разведки подтверждал. Почувствовать с этого расстояния такое скопление бойцов было проще простого. На карте было обозначено всё, кроме моего тоскливого чувства. И я увидел.

Наш стаб был пристыкован к черноте, как к размазанной кляксе, а с другой стороны через пять километров начиналась целая сеть озёр и речушек с постоянными переагрузками. Уровень воды поднимался или опускался метра на полтора совершенно случайным образом. Настоящие заливные болота. За два дня можно было увидеть огромную водяную гладь озера глубиной чуть по пояс, или нескончаемые вонючие лужи с дохнувшей от жары рыбой, и раскисшую глину с сотнями сидящих повсюду лягушек. Дополняли картину деревья, падающие от раскисшей почвы, остатки строений и камни. Для техники места совершенно непроходимые, как и для лодок. Армия внешников шла к нам с фронта, а вот с боку и тыла через эти болота

сюда двигалось немало пеших отрядов. Человек – это такая скотина, что где не проходят танки и лодки, всегда могут пройти двуногие, гонимые боевым духом или алчностью.

Я скрёб лапой по карте, выл и рычал, поворачивал морду. Болота считались непроходимыми, и удара оттуда не ждали. Разумеется, с той стороны твари заживали, и стены с пулемётами там имелись, но к обороне от двуногих уродов с этой стороны готовы не были. Десяток выстрелов из РПО по открытым огненным точкам мог полностью открыть тыл.

– Уверен? – закончив карандашом обводить показания моих лап, сказал один из командиров.

Я несколько раз повернулся, вставая в стойку, и повторил рыки. Команды посыпались как из рога изобилия. Один из офицеров поднял трубку:

– Блохастый у нас будет на КП, он тут нужнее, возьмите кого-то из сенсов и выдвигайтесь, – положил телефон и сказал мне: – Я предупредил вторую колонну, и пока ты в штабе.

Другим собакам они фукают и цокают, а мне все повадились просто говорить. Я прикрыл глаза и лёг на брюхо, удобно разместив морду на лапах. Совершенно не собирался отдыхать. Мою душу скребли кучи кошек, но причину понять я не мог. Вроде бы хитрый замысел врагов раскрыт, и удар со стороны болот не будет неожиданным. Ещё раз и ещё я перепроверял своё чувство и данные тактической карты. Всё на месте. Разумеется, увидеть в этой куче снайпера или ловкого спецуру я не мог, но и повернуть ход сражения пара умников не сумеет.

Услышал доклад разведчиков, подтвердивших, что болотоходцев обнаружили, и сейчас их мочат. Даже пару орудий зацепили к бульдозерам и потащили в ту сторону. И вот с чего столько душевных кошек? Да, перевес в технике не на нашей стороне, но и задача несложная – просто продержаться пару дней.

Полторы сотни тяжёлой бронетехники с обеих сторон. Для этого мира – больше, чем Курская дуга для нашего. Несколько тысяч человек. Полсотни орудий, гранатомёты, безоткатные носимые системы. Милые домики нашего стаба выполняли функцию дотов. Нас давили со злым упорством и отчаянием: слишком много было на кону. Моё обнаружение отрядов, идущих с болот, сильно смешало планы внешников, но не могло повлиять на расклад сил. Всюду гремела канонада, а воздух переполняли запахи горелого масла и дизеля, горевших строений и покрывшек. В очередной раз ударило, и с потолка посыпались крошки бетона.

Я рвался наружу. Не знаю, чем мне там было заниматься, но меня всем нутром тянуло из бункера. Наверху шёл бой, там матерились, орали, скрипели зубами бойцы, всюду горела куча брони. Я знал, что нужен не здесь, и сейчас командиры были спокойны. Несколько человек раздавали указания, рисовали карту боя, а остальные были уже у своих частей – некоторые к этому времени, к сожалению, погибли. Потери с обеих сторон были ужасными. Никто не строил иллюзий – раненых будут добивать.

Наглая псина в моем лице выбежала наружу. Справа от меня разгорался танк, ещё по инерции лязгая замедляющимися траками; немного проехал и замер. Это наши. Парни пытались вылезти из люков, но, очевидно, их сильно контузило, и им не хватало сил. Взяться за оружие я полноценно не мог, а вот что-то сделать – вполне. Мои кошки орали и скребли на всю катушку, но что они беснуются, я понять не мог. А пока я буду думать – надо что-то делать. Бойца, который вылезал из башни, разорвало очередь из крупнокалиберного пулемёта. Второй вывалился перед лобовым листом танка, и был на открытой местности. Я подбежал. Удобной ручки на заливке не было, но всегда можно схватить, как щенка, за шкуру. Передние назад, задними отжать; передние назад, задними отжать; передние назад, задними отжать. Щедрая очередь из автомата прошла по месту, где только что лежал боец, и одна из пуль попала в бёдро, оторвав переднюю часть ступни. Но это ерунда – здесь это всё заживает и отрастает как на собаке; главное, что боец был теперь укрыт за катками танка.

Прыжок на корпус дался мне очень легко. Второго, наполовину высывающегося из верхнего люка, танкиста я в один рывок стащил вниз. Мы вместе полетели на землю. Он мотал

головой и плохо понимал, что происходит. Всё лицо оказалось истыкано крошкой металла, а одного глаза не было. В пару рывков я подтащил бойца к первому, и он занял место рядом со своим контуженным товарищем. Танк разгорался, и здесь я уже никого спасти не мог, а вот на том перевернутом броневике, под который залетел фугас – там вполне мог. Мотор ещё работал. Люки пытались открываться, и одуревшие от удара люди неспешно выползали. Муры сосредоточили на машине огонь крупнокалиберных пулемётов. Они били в днище, и через раз пули пробивали легкобронированную машину. Удобная эта ручка на загривке – кстати, на форме штурмовиков она была. Передние назад, задними отжать; передние назад, задними отжать. Некоторые бойцы меня узнавали. Я не мудрил. Просто хватал, чтобы затащить за броню. Да, она горит, да, может взорваться боекомплект, но это всё равно лучше, чем лежать посреди поля, дожидаясь пока тебя добьют. Раненых тут реально добивали.

Мимо пронёсся объятый огнём древний «Леопард-2», как бы ещё не самой первой модификации; въехал в склад сбивая пламя кусками строения, и ударил в следующий. Это был не наш танк. В него сразу с нескольких сторон выстрелили из гранатомётов, и парой гранат достало бешеную объятую огнём машину, стреляющую во всё, что движется. Машина заложила вираж, проехав мимо драпающего со всех лап меня буквально в паре метров. Экипаж «Леопарда» пытался сбить пламя. Со всего размаху танк ударился в милый домик в немецком стиле на краю нашей милитаризованной зоны. Стена треснула, но устояла. Мехвод явно не рассчитывал, что эти аккуратные постройки имеют толщину стен в метр железобетона, а то и больше.

Удар был сокрушительный. Массивную башню сорвало с погона и сдвинуло вперёд, пламя вспыхнуло и объяло всю машину. Я галопом понёсся от пылающей брони. Никогда не доводилось видеть даже на полигоне таких смертельных таранов. Это была ошибка экипажа, но кто ж знал, что миленький домик делался с железобетонными стенами такой толщины?

В процессе драпа я стащил в траншею ещё двух человек. Они были явно не в себе и не осознавали происходящего. У первого не было обеих ног и виднелось ещё несколько пулевых ранений, другой просто истекал кровью из носа и ушей, хотя больше повреждений я не видел. Просто стащить в траншею и бежать дальше. Я занимался, чем мог, но каждую секунду слушал своих кошек. Кошки дружно орали, но ничего внятного пока не говорили.

Бой превратился в собачью свалку. Решение атаковать внешников в лоб было тяжёлым, но, пожалуй, единственно правильным. Перевес в технике, как в те далёкие годы, когда проходили великие танковые сражения, был на стороне противника; но знание местности и максимальное сближение нивелировали это преимущество. Повсюду была горевшая техника, бегали люди, пули перепыхивали землю. Все стреляли во всех. Даже самая лучшая броня ничего не может противопоставить выстрелу в упор или отчаянному парню с гранатомётом.

Я бежал зигзагами, но в такую шустрюю квазисобаку ещё попробуй попади. Да и особого интереса я не представлял, потому что обычно собаки бегают безоружными. Я вбежал на позицию гранатомётчиков. Здесь упал хорошего калибра фугас, и все были мертвы. Ящики с трубами были разбросаны повсюду. Много было пустых – отстрелянных. Крупнокалиберному пулемёту погнуло дуло и выдрало внутренности ствольной коробки, а несколько человек разорвало в клочья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.